

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА Ф. М. и М. М. ДОСТОЕВСКИХ 1847—1880 г.

(Из семейных архивов).

I. Из архива Е. М. Достоевской.

В жизни Ф. М. Достоевского не было более длительной и крепкой дружеской связи, чем та, которая соединяла его со старшим братом Михаилом. Он оставил несколько признаний, говорящих о том, какое исключительное значение имела для него эта дружба. Еще в 1849 г., на вопрос следственной комиссии по делу Петрашевского — „с кем он имел близкое и короткое знакомство и частые сношения“ — Достоевский ответил, подчеркнув первые слова: „Совершенно откровенных сношений не имел ни с кем, кроме как с братом моим отставным инженер-подпоручиком Михайлою Достоевским“. ¹⁾ Несколько лет спустя после смерти брата он писал Аполлону Майкову: „Ведь Вы не знаете, чем всю жизнь с первого моего сознания был для меня этот человек! Нет, Вы этого не знаете!“ ²⁾

Эти и другие подобные признания Ф. М. Достоевского побуждают исследователя с особым вниманием и интересом отнестись как к личности Михаила Михайловича, так и к характеру дружбы, связывавшей обоих братьев. Для изучения их отношений напечатанные ниже письма дадут новый и значительный материал.

Жизнь то соединяла, то разлучала братьев Достоевских, и в этих чередующихся встречах и переписке зрела и крепла их дружба. Неизменные товарищи по детским играм в московском доме отца и в деревенском приволье „Дарового“, верные товарищи и в прохождении школьной учебы Чермаковского пансиона, и в первых литера-

¹⁾ Следственное дело об отстав. Инж. поручике Достоевском. Архив бывш. III отд. соб. его импер. вел. канц. ныне I отделение Полит. секции Ленинград-Отделения Централрхива.

²⁾ „Достоевский“ сб. под ред. Долинина I стр. 417.

турных увлечениях и поэтических опытах, они вместе были оторваны от родительского дома, Москвы, и заброшены в негостеприимный чужой Петербург.

Здесь их ждала разлука — младший брат был оставлен для учения в столице, старший принужден был кончать образование в Ревеле. За учением последовала служба в этом же городе, женитьба на ревельской уроженке Эмилии Дитмар, и долгая, утомительная борьба за средства для существования растущей семьи. Работа полевого инженера не удовлетворяла молодого поэта-романтика, поклонника Шиллера, каким был Михаил Михайлович. Его тянуло к поэзии, искусству, к обществу, где были живы литературные интересы. Он много читал, следил за современными литературными течениями, пописывал стихи и много переводил с немецкого — главным образом Шиллера и Гете. Так протекали восемь лет его Ревельской жизни вдаль от брата, с которым он переписывался и раза два-три виделся за это время.

Иначе сложилась за эти годы жизнь младшего брата. Решительно порвав с служебной карьерой, Федор Михайлович сделался писателем по профессии. Он пережил и шумный внешний успех и тяжелые для самолюбия неудачи, трудные поиски своего творческого пути, долгую смену надежд и разочарований. Он также как и брат, боролся за кусок хлеба, нуждался, и не раз обращался к брату за денежной помощью. Но за те же восемь лет он создал себе известное литературное имя, видное положение в современном литературном и журнальном мире.

Зная, как тяготит брата инженерная служба, жизнь в провинции, Федор Михайлович начал настойчиво звать его в Петербург и обещал ввести его в столичные литературные круги. Совместная жизнь, казалось, должна была облегчить обоим борьбу за существование, и соединенными усилиями братья надеялись достигнуть если не богатства, то известной обеспеченности. Федор Михайлович так радужно рисовал это будущее, их “ассоциацию“, что старший брат не устоял перед соблазном и решился на отважный шаг: простился с инженерной службой, подал в отставку и, переехав в Петербург, начал новую литературную карьеру. Ему было в это время 27 лет, у него было уже трое детей и, кроме скромного инженерного жалованья, никаких иных доходов. Имение отца было разорено и обременено долгами.

Два ниже напечатанных письма М. М. Достоевского от 16 августа и 13 сентября 1847 г. относятся к моменту его решения порвать со службой и переселиться в Петербург. Они стоят в тесной связи с письмом Федора Михайловича от 9 сентября того же года, ¹⁾ в котором он усиленно звал брата в Петербург и сулил ему блестящее будущее.

В октябре 1847 года Михаил Михайлович уже жил в Петербурге с братом, втянулся в круг его знакомых и немедленно принялся сам

¹⁾ См. „Биография, письма... Достоевского“ изд. 1883 г. стр. 67—68.

за литературную работу ¹⁾. Сделанные им еще в Ревеле переводы из Шиллера и Гете были признаны образцовыми и тотчас же нашли место на страницах наиболее солидных журналов. Однако дальнейшая литературная деятельность его приняла иной характер: через три-четыре месяца по приезде в Петербург он выступил в печати в качестве критика и беллетриста.

В числе других знакомых брата Михаил Михайлович узнал Дурова и Петрашевского, стал вместе с братом бывать у них и зачитываться Фурье. На собраниях он был молчалив, многое осуждал из говорившегося, но когда разразилась гроза, то и он и брат, оба попали в крепость: через два месяца Михаил Михайлович был освобожден, и, может быть, в этом факте некоторую роль сыграли показания Федора Михайловича. Последний считал себя виновным в том, что втянул брата в чуждый ему кружок, и с исключительной горячностью вступился за него, указывая на его полную невинность и гибельность ареста для его здоровья и положения семьи. В ответах на поставленные ему вопросы Следственной Комиссии Ф. М. Достоевский писал между прочим: „...Я говорю это к тому, что брат познакомился с Петрашевским через меня, что в этом знакомстве я виноват, а вместе в несчастьи брата и семейства его. Ибо если я и другие в эти два месяца заключения вытерпели только тоску и скуку, то он выстрадал в десять раз более в сравнении с нами; он от природы сложения слабого наклонен к чахотке и сверх того мучается душою о погибшем семействе своем, которое должно буквально и неизбежно погибнуть от тоски, лишений и голода в его отсутствие. И потому этот арест должен быть для него буквально казнию, тогда как виновен он менее всех. Я считаю себя обязанным сказать это, ибо знаю, что он не виноват ни в чем, не только словом, но даже мыслию“ ²⁾. — Ф. М. Достоевский указывал, что брат высказался первый против устройства литографии в кружке Дурова и повлиял косвенно на решение других членов.

25-го июня 1849 г. М. М. Достоевский был освобожден. Началась его переписка с братом, остававшимся в крепости. Письма Ф. М. Достоевского, давно известные в печати ³⁾, являются тесно связанными

¹⁾ См. хранящееся в Пушкинском Доме письмо М. М. Д—го к жене от 21 окт. 1847 г., в котором он рассказывает о совместной жизни с братом, упоминает о срочной работе и приятелях брата, с которыми, очевидно, уже сошелся.

²⁾ Материалы Полит. Секции Ленинград. Отд. Центрархива.

³⁾ См. „Биография, письма... Д—го“ изд. 1883 г. стр. 67—72. В первых трех письмах есть неточности по сравнению с оригиналами, хранящимися в архиве Е. М. Достоевской. Укажу на наиболее существенные: Письмо от 27 авг. стр. 69. строка 20-ая снизу надо читать „касательно окончания нашего дела“. В том же письме стр. 71, строка 1-ая сверху, напечатано „Шаховской“ надо „Шаховой“. Письмо от 14 сентября стр. 71, строка 3-ья снизу, — „Комедия Тургенева“. Кроме того на стр. 70 после слов: „Что за нужда, что статья переводная?“ в подлиннике 6 тщательно зачеркнутых строк.

по содержанию с письмами М. М. Достоевского, которые ниже публикуются впервые. Переписку братьев надо читать подряд, одно письмо за другим, чтобы понять смысл каждого вопроса и замечания. Пять писем Михаила Михайловича и четыре письма Федора Михайловича вполне передают душевное состояние каждого из братьев в это тяжелое для обоих время. М. М. Достоевский был подавлен, угнетен заключением брата, терзался мыслями о его здоровье, будущем и т. д. Федор Михайлович из крепости подбадривал находившегося на свободе брата и был почти уравновешен, спокоен в письмах. От переписки братьев остается такое же впечатление, какое вынес Милюков, присутствовавший при свидании братьев перед отправлением одного из них в Сибирь: „Смотря на прощание братьев Достоевских, всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его“¹⁾.

Последовала новая десятилетняя разлука братьев, во время которой их соединяли лишь редкие письма и постоянные денежные и иные посылки М. М. Достоевского в Сибирь. Последний ждал и берег минуту встречи с братом „как лучшую минуту своей будущности“²⁾ и ожидания не обманули его: братья встретились духовно более близкие, чем были в 1849 году. Последовавшие за встречей четыре года совместной дружной работы над созданием своего журнала были в то же время последними годами жизни старшего брата.

После смерти М. М. Достоевского и ликвидации журнала, Эмилия Федоровна и ее четверо детей остались без всяких средств. Как известно, Ф. М. Достоевский взял на себя не только уплату долгов по журналу, но и заботу о поддержке семьи брата.

Здесь необходимо отметить, что характер отношений Ф. М. Достоевского, его невестки и ее детей в очень искаженном виде запечатлены в „Дневнике“ и „Воспоминаниях“ Анны Григорьевны Достоевской. Враждебное чувство к Эмилии Федоровне возникло в ней с первой минуты встречи, когда, по ее мнению, жена М. М. Достоевского отнеслась к ней недостаточно внимательно, как к ничтожной стенографистке („Воспоминания“). Узавленное самолюбие разжигалось далее ревностью к близости этой семьи ее мужу, а позднее сожалением о деньгах, которыми Ф. М. помогал невестке, нуждаясь сам и заставляя нуждаться жену. Следуя за матерью, Любовь Федоровна Достоевская также постаралась в самом непривлекательном виде представить как семью М. М. Достоевского, так и характер ее отношения к писателю. Эми-

¹⁾ Русская Старина 1881 г., т. 3, стр. 702.

²⁾ Письмо М. М. Д—го к Ф. М. Д—му от августа 1859 г. хранится в Р. Истор. музее.

лия Федоровна и ее дети изображены как злостные эксплуататоры Достоевского, терзающие его наравне с другими кредиторами.

Нет сомнения, что инициатива помощи семье брата исходила от самого Достоевского, а не было следствием каких-либо вымогательств. Ф. М. чувствовал себя обязанным помогать бедствовавшей семье, но это не была только формальная выплата долга, тех денег, которыми когда-то в свою очередь выручал М. М. Достоевский брата. На постоянную заботу и помощь семье Михаила Михайловича Федора Михайловича вызывала, во первых, горячая привязанность его ко всем ее членам, и, во-вторых, память о брате, „незабвенном Мише“, постоянно жившая и болевшая у него в сердце. Мысль о том, как живет Эмилии Федоровне и ее детям, не покидает Достоевского и во время женитьбы на Анне Григорьевне, и во время поездок за-границу, хотя со стороны семьи М. М. Достоевского не было иногда по-долгу никаких просьб или требований денег.

Отношения Ф. М. Достоевского к семье брата целиком отразились в публикуемых ниже письмах его к Э. Ф. Достоевской. До сих пор ни одного письма Достоевского к ней опубликовано не было, между тем восемь печатаемых писем¹⁾, несомненно, представляют лишь часть переписки. Три из них относятся к 1867 году²⁾, три следующих к 1868 году и два последних к 1869 г. Все они написаны из за-границы, где жил в это время Федор Михайлович с женой, отчасти лечась от болезни, отчасти скрываясь от петербургских кредиторов. Семья М. М. Достоевского оставалась жить в петербургской квартире Федора Михайловича на Мещанской улице в доме Алонкина.

Письма Ф. М. Достоевского к Э. Ф. Достоевской не только рисуют характер их отношений, но пополняют те сведения о заграничной жизни Достоевского, которые мы имеем в материалах, оставленных Анной Григорьевной, в переписке Достоевского с Майковым, Страховым, Ивановыми и Исаевым. Может быть, ни одна из указанных групп писем Достоевского не производит такого тяжелого впечатления, как письма его к невестке. И в переписке с Майковым много денежных расчетов, описания нужды, но там, кроме этой постоянной темы, есть все же и заграничные впечатления и творческие планы и признания. Здесь же ничего кроме мучительных денежных расчетов, горячее желание и невозможность помочь нуждавшейся женщине. „Русский

¹⁾ В Пушк. Доме хранится одно письмо Э. Ф. Д—ой к Ф. М. Д—му от 19-го авг. 1868 г. на немецком языке.

²⁾ Первое письмо, хотя очень отчетливо датированное Ф. М. Д—м 12 и ю ля, надо отнести к 12 и ю ня, так как письмо написано из Дрездена, а Достоевские покинули этот город 4-го июля. Именно к 12 июня относится следующая заметка в дневнике А. Г. Достоевской о Ф. М.: „Я пришла домой... Он писал письмо к Эмилии Федоровне. Это я увидела издалека“ („Дневник А. Г. Д-ой изд. 1923, стр. 115). Другие данные письма также говорят за июнь.

Вестник“ с „благородным Катковым“, к которому нельзя более обращаться с просьбой о деньгах, так же „благородный“ домохозяин Алонкин, каждый день готовый выгнать из квартиры задолжавшую семью, „деловой“ Гаврилов, у которого можно призанять 200 руб. по 20%, боязнь перед петербургскими кредиторами, которые могут узнать заграничный адрес, перспектива долгового отделения по возвращении на родину, срочная работа, подгоняемая нуждой и тормозящаяся припадками — вот темы писем Федора Михайловича к Эмилии Федоровне. В сущности за эти два с половиной года он смог ей послать очень мало, всего каких нибудь 150—200 рублей, при чем надо вспомнить, что в семье невестки жил ничего не зарабатывавший его пасынок, и денежные посылки Эм. Фед. были как бы платой за него. Тон писем дружественный и вместе с тем особенно почтительный — точно сквозит боязнь невниманием обидеть, задеть самолюбие бедной родственницы. Уже намечается расхождение Эмилии Федоровны с Анной Григорьевной и ее семьей: и в замечаниях Эм. Фед. и в некоторых оговорках Федора Михайловича сквозит скрытая недружелюбность семьи Сниткиных к семье покойного М. М. Достоевского.

Что касается сведений о писательской работе Достоевского, то в письмах мы находим неоднократные упоминания о работе над „Идиотом“, не дающие, впрочем, ничего нового и имеющие в виду исключительно материальные расчеты, связанные с романом. Ценным является лишь сообщаемый Достоевским план издания по возвращении в Петербург еженедельного журнала в особом роде. Этот план надо поставить в связь с упоминаниями о газете в опубликованных письмах Достоевского к С. А. Ивановой того же времени. Быть может, в том и другом плане скрывалась первая идея будущего „Дневника Писателя“.

Как письма Михаила Михайловича (кроме одного), так и письма Федора Михайловича сохранились в архиве дочери М. М. Достоевского, Екатерины Михайловны Достоевской. Выражаем ей нашу глубокую благодарность за разрешение опубликовать письма, а так же за те ценные замечания, которыми она облегчила нам труд их комментирования.

Письмо М. М. Достоевского от 1 октября 1849 г. принадлежит Р. Историческому Музею и печатается с разрешения дирекции последнего ввиду тесной связи данного письма с группой писем из архива Е. М. Достоевской.

Прилагаемый портрет М. М. Достоевского представляет собою фотографию с карандашного рисунка художника К. Трутовского конца 40-х годов. Оригинал (несколько попорченный мухами) принадлежит А. А. Бахрушину, и воспроизводится с его любезного разрешения.

В. Нечаева.



Портрет М. М. ДОСТОЕВСКОГО.

Рисунок К. Трутовского.

ПИСЬМА М. М. ДОСТОЕВСКОГО К Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ.

Кр. Свеаборг 16 Августа 1847.

Спешу поделиться с тобою, драгоценный друг мой, несколькими довольно приятными вестями. Во-первых я на эту минуту обеспечен— к нам пришло жалованье и потому если ты еще не выслал ко мне денег, то покрайней мере не тужи и не горюй обо мне. Ты не поверишь сколько я о тебе думаю, мой милый труженик. Во-вторых, и самое главное то, что Рейнгард ¹⁾ был в Гельсингфорсе, заезжал к нам, но не застал нас дома—мы были на даче у знакомых. На другой день я поехал к нему, застал его еще в городе и провел с ним с полчаса, т.-е. до самого отъезда его в Ревель. У него еще кое-кто был, так-что только дорогой к пароходу я успел сказать ему, что у меня до него есть дело, и так как я не успел поговорить с ним о нем, то хочу с первою же почтою писать к нему. „Но в чем же оно—нельзя ли вкратце, в двух словах“ сказал он мне, и я сколько позвляло время объяснил все ему. Этот Рейнгард редкий человек—он даже не задумался и обещал выслать с первою же почтою 300 р. сер. Несмотря на это я все-таки написал к нему, ибо в разговоре с ним много было недосказанного. Итак, если Москвичи ²⁾ надуют, то вот ресурс почти верный. Я говорю почти, потому что стал страшно туг на веру и верю только себе да тебе. Если же пришлют из Москвы, то эти деньги немедленно будут обращены мною на уплату Рейнгарду. Он сказал мне при прощаньи, что тем более рад помочь мне, что в моем деле он совершенно согласен со мною, что в службе мне делать нечего.

Итак, у меня будут 300 р. сер. да еще положим 100 р. с. с продажи мебели, да еще 100 р. с., а может быть и больше с одного места, а всего в короткое время у меня скопится 500 р. Знатная сумма! А? 150 р. сер. жене с тем, чтоб она 2 месяца жила на эти деньги, 100 р. мне на экипировку, след., я могу надеяться привести в Петербург рублей 200 сер., которые нам с тобой послужат для зало-

жения общего банка. Эти деньги будут началом тех 350.000, которых счастливыми обладателями мы будем по твоим словам лет через 10.

Моего негодяя Павла ³⁾ я должен буду взять с собой в Петербург, но только с тем, чтоб немедленно по приезде отправить его в Москву. Пусть они там возятся с ним как хотят. Я уже писал к ним об этом и просил Карепина, если можно, на его место прислать к нам Григория. Он ходит в Москве по оброку, так пусть уж лучше послужит нам. Как ты думаешь ведь он будет нелишний? Впрочем все это будет зависеть от твоих соображений.

Какова твоя квартира? Будет-ли она удобна для нас обоих. Напиши, что ты за нее платишь? И с дровами-ли она или нет? Нам непременно нужна будет квартира с дровами, чтобы устранить от себя все эти гадкие хлопоты. Напиши мне о нашем будущем житье по подробнее.

Твой М. Достоевский.

[на полях письма]

Что ты не пишешь, милый? Когда я долго не получаю от тебя известий, я все думаю, что ты болен и беспокоюсь ужасно. Погоди—со мной ты поздоровеешь.

Брат, начинай хлопотать о работе. Мне бы не хотелось и дня прогулять без дела. Как славно мы будем жить с тобой. Я думаю, что приеду сухим путем.

Если ты будешь издавать осенью Бедных людей, то вот для меня будет прекрасный случай свести первое знакомство с типографией и со всем деломпроизводством.—Жена тебе кланяется. В начале Сентября мы расстаемся с ней.

Я боюсь, чтоб Москвичи не написали к Кривопишину ⁴⁾, Дело в том, что отставка моя пойдет через Инспек. Департамент. Ну как он задержит ее под предлогом, напр., что-есть что нибудь не по форме. Нельзя ли тебе следить за ее ходом. 1-го Сентября я подаю прошение.

Кр. Свеаборг 13 Сентября [1847].

Не медля ни минуты с получения письма твоего ⁵⁾, спешу отвечать тебе, хотя нового ничего не случилось и все обстоит по-старому. Пишу к тебе для того только, чтобы ты знал, драгоценный друг мой, что мы еще не выезжали из Свеаборга, сидим попрежнему в нем и ждем, когда поедет в Ревель казенный пароход, на котором для нас было бы очень выгодно переехать. Ждать таким образом мы будем до 23 Сентября и, если в продолжение этого времени не пойдет в Ревель ни одно казенное судно, мы принуждены будем отправиться на воль-

ном пароходе, который означенного числа в последний раз делает свое путешествие в Ревель.

Теперь насчет моего отпуска. Я оттого беру отпуск на 28 дней, а не на 3 или 4 м-ца, что на 28 дней разрешает Окружный командир, а на более долгое время нужно ждать разрешения из Департамента. У меня уже все готово — перед отъездом будет нужно только зайти в Окр. Управление и взять паспорт. Я не сомневаюсь сам, что в Петербурге мне дадут отсрочку. Можно будет похлопотать. Но милый друг мой, сколько может быть неприятностей придется мне вытерпеть в нем. Платье у меня все исправно—нужно будет только новый шарф, эпoletы и шпагу. Покупать их я не стану и потому постарайся припасти их, узнай в лавках не дают ли на прокат—после некогда будет хлопотать. В Ревеле я останусь дней 5 или 6 не более.

Москвичи не шлют. Денег у нас попрежнему 125 р. сер. Ужасно мало — особенно если придется ехать на вольном пароходе. Всего вероятнее, что я к тебе приеду без денег. Но я не унываю, будем здоровы—не пропадем. Ассоциация есть дело великое и святое.

Бедных людей *) и не думай продавать. Какнибудь обойдемся. Лишь-бы отставка не замедлила — вот, что меня беспокоит. Напиши к Москвичам—я напишу к ним с будущей почтою. Нынче уж некогда!—я только что приехал на одной гадчайшей лодченке из города, как жена подала мне письмо твое. Ты болен—береги пуще всего здоровье. Прощай, мой единственный друг. До скорого свидания.

Твой М. Достоевский.

[приписка поперек написанного]

Чернила высохли, перо стальное и вдобавок сломанное—подивись искусству написать с подобным материалом 4 страницы и не получить спазм от бешенства. Как много скопилось у меня переговорить с тобою. Не переменяй квартиры.

Я думаю ты бы успел еще написать ко мне письмецо. Обра-дуй-ка.

9 Июля 1849 года.

Вот уже две недели, милый, дорогой брат мой, хлопочу я о твоей просьбе, изложенной тобою в письме к брату Андрею ?) и по-веришь ли, только нынче могу исполнить ее. Не было денег, а пу-стого письма отправлять тебе не хотелось. Нынче достал для тебя 25 руб. сер., которые и посылаю тебе, присовокупляя к ним полсотни заграничных сигар и третью часть твоего романа, напечатанную в майской книжке Отеч. Зап. 8)

Милый друг мой, как бы хотелось мне, чтоб из письма этого ты мог вычитать хоть строчку утешения для себя. Я знаю, что для

твоего доброго и великодушного сердца будет отрадно узнать, что я уже две недели живу в кругу своего семейства⁹⁾... Я уверен, что во все это несчастное для нас время ты думал и скорбел более обо мне, чем о себе... Я уверен в этом, потому что я знаю тебя, знаю любовь твою и дружбу к себе... и верь мне, милый друг мой, что мысль о тебе разве только на не многие минуты покидает меня. В эти две недели мне часто случалось ощущать минуты невыразимого счастья и каждый раз воспоминание о тебе наводило на меня грусть и тоску. Я думаю тогда о твоём болезненном состоянии, и о впечатлительности твоей, которая по необходимости должна удваивать твои страдания. Желаю тебе от всего сердца здоровья и больше бодрости и надежды.

Московское дело по имению нашему¹⁰⁾ опять остановилось по причине несовершеннолетия Николи и Саши, но Карепин (он писал к брату Андрею) надеется выхлопотать разрешение на продажу имения, так как оно переходит не в чужие руки но Бог знает, когда это сделается.

Мы все здоровы. Дети часто вспоминают о тебе, у жены часто навертываются слезы, как только произнесут твое имя. Живем мы в городе в том же доме, только на другой квартире. До сих пор я еще не мог собраться с духом, чтоб приняться за какую-нибудь работу... Первое время чувствовал себя не так здоровым, а потом поправлялся и хлопотал.

Знаешь ли кто более всех из детей жалел обо мне и даже плакал?—Миша. Кто мог бы это подумать? Такой стал славный мальчик; чувствителен и застенчив ужасно; но когда бывает в духе, то болтает без умолку. Право, ты бы еще более полюбил его, а он и без того был твоим фаворитом.

Прощай, милый друг мой! В последние два дня ясные и теплые мне особенно грустно по тебе... Ради Бога, не унывай, мой милый, старайся хоть чем-нибудь развлекать себя. Я теперь упрекаю себя зачем раньше не писал тебе. Я знаю как горько ждать.

Когда тебе будет что-нибудь нужно—пиши ко мне, если можно и будь уверен, что я уж постараюсь исполнить твою просьбу.

Твой брат М. Достоевский.

[Приписки на полях:]

Если можно, уведоь нас о своем здоровьи.

Андрюши¹¹⁾ нет дома, а я не хочу и минуты медлить и потому не жду письма его к тебе. И без того уж много потеряно времени. Что мог подумать ты о нас в это время?

23 Июля 1849 г.

Письмо твое, ¹²⁾ любезный брат, доставило всем нам неизъяснимое удовольствие: мы перечитывали его несколько раз. Ты не поверишь, милый, как горько становится, когда взглянешь на солнце, дохнешь свежим воздухом и вспомнишь о тебе. Я помню как невыносимо тяжело было для меня заключение, когда прояснялось небо и солнышко заглядывало ко мне в форточку—я не испытывал еще никогда таких мук, как в эти минуты и был гораздо спокойнее, когда небо начинало хмуриться и дождь лил как из ведра. С тобою напротив, и я чрезвычайно рад этому, потому что, судя по себе, предполагал что тоска и грусть твои усиливаются. Три месяца! Шутка-ли это! Для меня и двух было достаточно, чтоб получить геморой и нажать грудную боль от которой, впрочем, я начинаю уже освобождаться, благодаря разным поездкам, которые я предпринимаю с целебною целью. Несколько раз уже я был в Царском, в Павловске, в Петергофе. Seriously я еще не принимался ни за что. Начал - было повесть, но меня просят окончить начатой роман, за который мне как-то страшно приниматься: боюсь испортить ¹³⁾. Я чувствую, что до сих пор я еще все, как-будто не устроился, не обжился дома и не шутя опасаясь, чтоб это тревожное состояние не отразилось в труде, требующем большей сосредоточенности мыслей. До сих пор я все разбираю разные книги и книжонки и работа эта мне порядочно надоела ¹⁴⁾.

Квартира у нас теперь гораздо лучше и удобнее прежней. Даже больше. Я выгадал себе совершенно отдельную комнату и если бываю дома, то сижу в ней и... ничего не делаю. Все эти дни были невыносимо жаркие; так—что отсутствие дачной жизни становилось очень и очень ощутительно. Особенно для детей вредна городская жизнь летом, но что делать?

Что касается до денег, то твоя правда! я теперь в весьма затруднительном положении. Два месяца, проведенные в праздности, совершенно расстроили наши экономические отправления и мы принуждены войти в долги. Придется жить чрезвычайно расчетливо. К счастью место мое осталось за мною. ¹⁵⁾ Его сберегли для меня добрые люди.

Литература наша спит: летние жары имели и на нее влияние. По части беллетристики не вышло ни одного, я уже не говорю скольконибудь замечательного произведения, но даже и такого, чтоб прочесть без скуки. Современник как прошлого года удалился в Парголово ¹⁶⁾ и выдает оттуда по прошлогоднему какие-то парголовские нумера. Безцветность страшная: рецензент его, известный под именем иногородного подписчика, исписался до последних пределов...¹⁷⁾

Ты не можешь себе представить, как я обрадовался, узнав, что ты получил позволение писать. Это было моею любимую мечтою

впродолжении моего ареста, и я по себе сужу, что возможность писать и создавать составляет для тебя теперь невыразимое облегчение. Я уверен, что ты напишешь нечто, далеко выходящее из круга обыкновенных литературных явлений. Но это постороннее: главное тут в том, что время для тебя не каплет уже по капле, унося за собою воспоминания, мечты и мысли то мучительные, то веселые, но всегда бесплодные, когда поверяешь их только четырем стенам.... Теперь, по крайней мере, у тебя есть утешение, есть труд, над которым можно забыться.

Николя живет теперь в Мурине ¹⁸⁾—он гостил у меня три дня. Он славный мальчик. Андрей тоже иногда заходит ко мне.

У детей на счет тебя предположения различны. Каждый день рождает у них чтонибудь новенькое.... они решительно теряются в догадках. В одном пункте они только согласны между собою—это то, что ты принесешь им много конфет и игрушек.

Жена тебе много кланяется. Все знавшие тебя принимают в тебе живейшее участие.

Прощай, милый друг мой. Как-бы я желал увидеться с тобою. Посылаю тебе 5 томов От. Записок, которые ты просил у меня. Наси-лу собрал их. Прощай мой милый.

Твой брат М. Достоевский.

18 августа [1849]

Посылаю тебе еще несколько книг, любезный брат: [зачеркнуто: последний]: 1-й 2-й и 8-й нумера От. Зап. [зачеркнуто: и всего Шекспира]. Очень жалею, что не могу доставить тебе чегонибудь поновее: книги у меня все старые, прежние, а других достать, право негде. Впрочем обещаю употребить все возможное, чтоб хоть сколько-нибудь сделать сноснее твое заключение.

Что за тоска жить в городе летом; по целым дням сидишь дома один, или бродишь сам не знаешь зачем по опустелым улицам. Со временем, кажется, деваться некуда—так оно долго тянется—а между тем ничего не делаешь. Роман мой подвигается чрезвычайно медленно; пришло в голову несколько сюжетов, из которых один для драмы. Хочу приняться за него, пока не охладел и если можно будет нынешнею-же зимою поставить на сцену ¹⁹⁾.

А между тем я схватил где-то страшнейший грипп: лихорадка трепала меня вчера немилосердно, а от насморка, вот уже два дня как я постоянно плачу. Но это ничего, пройдет! Я все думаю о тебе, мой милый. Точно так же как и ты я считаю дни твоих страданий и, зная по опыту как тяжелы они, страдаю при одном воспоминании о тебе. Здоров ли ты?

Еслиб ты знал, как жена горюет по тебе! Прощай, мой милый друг. Право, писать больше нечего, кроме разве того, что мы с нетерпением ждем того времени, когда решится твоя участь и что нам грустно и горько без тебя. Жена тебе кланяется, Прощай.

М. Достоевский.

P. S. Андриюша, как я слышал, назначается архитектором в губернию, но в какой город еще неизвестно. Не нужно-ли тебе чегонибудь, мой милый, напиши! Я уж исполню.

В Москву я [зачеркнуто: ничего] не писал о [зачеркнуто: своем] нашем аресте. Они, ²⁰⁾ кажется, ничего не знают об этом, по крайней мере ничего не пишут. Ни от сестры, ни от зятя я еще не получал писем, но брат показывал мне полученные им, в которых даже и намек нет, чтоб они чтонибудь знали. Пусть их и не знают.

Напиши пожалуйста нет-ли у тебя какихнибудь расчетов с книгопродавцами касательно романа твоего: Бедные люди; не должен ли тебе ктонибудь из них?

Непреренно постараюсь достать для тебя чегонибудь исторического—историю Гиббона например.

Во время своего ареста я всего более жалел о том что не записался каким-нибудь английским самоучителем. Непреренно выучился бы [зачеркнуто: и не истратил бы даром двух месяцев]. Что меня несколько успокоивает насчет тебя, милый друг мой, так это позволение писать. Это лучшее средство против тоски и скуки.

Как хотелось-бы мне увидеть тебя, любезный брат. Я так много думаю о тебе, что не могу позволить себе ни малейшего удовольствия без того, чтоб потом не попрекнуть себя твоим печальным настоящим.

Вместо Шекспира, в дурном немецком переводе, которого я было хотел послать тебе сначала, отправляю к тебе *L'histoire de la gerre* *) *de trente ans* Шиллера. Мне кажется, что эта книга должна занять тебя более.

Еще раз прощай, любезный брат. Жена тебе кланяется. Братья так же. Николая у нас теперь.

10 Сентября. [1849]

Любезный брат!

Письмо твое ²¹⁾ я получил в понедельник 5 сентября и только теперь в состоянии отвечать тебе. Я много думал, много беспокоился о тебе, не получая от тебя ответа на прежнее письмо мое, и потому, можешь себе представить, как оно обрадовало меня. И не смотря на это, несмотря на все желание отвечать тебе немедленно, я должен

*) Таково правописание подлинника В. Н.

был пропустить целые пять дней. Во-первых искал книг, а во-вторых ждал некоторых получений. Посылаю тебе 10 р. сер.—безделицу, но все лучше, чем ничего; когда они будут на исходе, пришлю еще. Из книг препровождаю тебе: 1) Библию (во французском переводе нигде не мог найти) 2) Сентябрьскую книжку О. З. 3) Сочинения Батюшкова 4) Драмы Шекспира в русском переводе Кетчера—книги все чужие. Когда прочтешь, напиши только и я постараюсь достать других.

Ты пеняешь мне, за то что я мало пишу к тебе, милый друг мой, ради всего святого не пеняй и не сердись. Право это не от лени. Мне всегда становится грустно, когда я принимаюсь писать к тебе, а наводить тоску и на тебя мне бы не хотелось.—Вот и пишешь всякий вздор, подбираешь слово к слову.... Не сердись, милый, когданибудь сочтемся.

Житье мое течет так ровно, так буднично, что право и писать о нем нечего. Сижу по большей части дома или гуляю. Чтобы пересчитать моих знакомых не нужно было выдумывать десятичной системы... пяти пальцев на руке для этого слишком много. Выучился, скуки ради, по английски и с помощью лексикона почитываю довольно легко. Хочу начать переводить. Вместе с романом пишу еще маленькую повесть. Жена и дети здоровы. Ходил одно время довольно часто в Александринский театр и наслаждался игрою Мартынова; на днях приехал Щепкин и вчера играл Фамусова. Говорят, не совсем удовлетворительно, т.-е. не гениально.

Из Москвы ничего не слышно. Я снова собираюсь писать к зятю. Андрюша переведен в Военные поселения и едет на днях в Елизаветград. Он в восторге. [Зачеркнуто: Вот человек]

Город несколько оживился. Много уже переехало с дач и дачные увеселения, фейерверки, ночи—на которых мне ни разу не удалось быть—постепенно прекращаются. Погода стоит очень хорошая. Плодов множество и все дешево, и что всего лучше, можно есть их, потому что холера не стоит, как прежде, за плечами. Об ней и не слышно. На днях я перечитал сочинения Даля. Работа топорная и нисколько нет художественности. Диккенс печатает новый роман: Записки Давида Коперфильда. Ждут окончания, чтоб переводить.

Не знаю, понравится-ли тебе комедия Тургенева. ²²⁾ Мне в ней многое нравится, хоть и мало сценического элемента. Она написана для Щепкина, который, как говорят, дает ее в свой бенефис.

Господин, подписывающий статьи свои литерами Вл. Ч. есть некто Г. Владимир Чачков, которого ты может быть видал иногда. Рецензию на стихотворения Шаховой писал Ап. Майков. Он болен, бедный. Мы с ним сошлись в последнее время.

Все знавшие тебя премного тебе сочувствуют, жалеют и помнят о тебе. Прощай мой милый друг.

Еслиб поскорей увидеться.

Твой М. Достоевский.

1 Октября [1849]

Любезный брат,

Препровождаю к тебе некоторые книги, какие я мог только достать для тебя, а именно: 4 тома русских авторов; 3 тома соч. Даля и 1 том Сахарова ²³⁾. Желая от всего сердца, чтоб они хоть скольконибудь рассеяли тебя, бедный друг мой. Письмо твое, ²⁴⁾ не знаю сам почему, произвело на меня самое грустное впечатление. В эти две недели ты не выходил у меня из головы и я грустил по тебе, как никогда еще не грустил. Так хочется видеть тебя!

На прошлой неделе я проводил Андриюшу в Елисаветград. Он едет через Москву и потому я поручил ему похлопотать хорошенько о нашем деле по имению. Может быть, что все будет кончено в этом году. Это было-бы очень хорошо, потому что могло-бы совершенно поправить мои обстоятельства. Мне нужно, чтоб я один только год был не стеснен в денежном отношении, чтобы войти на ровную колею и жить порядочно, то-есть без нужды.

Пишут, *) что нынче в нашей губернии год урожайный, стало-быть можно рассчитывать на некоторые доходы. Так как я заговорил уже о деньгах, то кстати прибавлю, что если у тебя, милый брат, они будут выходить, пожалуйста уведомя. Хоть я и не богат теперь, но подыму Содом и Гомор, и достану тебе.

Более всего меня беспокоит твое здоровье. Теперь осень, погода меняется не только с каждым днем, но с каждым часом. В это время ты обыкновенно страдал более чем когда-либо. Воображаю как ты страдаешь теперь и как переменился вероятно в это время. Но зато утешительно то, что после необыкновенно скоро поправляешься. Природа, кажется, спешит наверстать свою просроченную работу, а новые впечатления, радостное чувство свободы, участие ближних на-перерыв помогают ей и человек поправляется в две какие-нибудь недели. Как бы я был счастлив, еслиб для тебя поскорее настало это время.

Этот месяц я писал все маленькую повесть листа в 3 ²⁵⁾ Надеюсь скоро кончить и сбыть куда-нибудь. Выходит что-то очень не хорошо, и я с удовольствием разорвал бы ее, еслиб было можно. В англ. языке я сделал гигантские успехи и дошел уж до того, что читаю Вальтер Скота без помощи лексикона. Это меня радует самым необыкновенным образом.

Напиши мне, пишешь-ли ты теперь и что именно. Новостей литературных никаких нет, кроме разве того, что с Июля месяца стали появляться книжки забытого Северного Обозрения. Последняя третья

*) Зачеркнуто: Г о в о р я т В. Н.

книжка вышла без русской и без иностранной словесности. Журнал едва-ли пойдет.

Прощай мой милый, пиши ко мне. Письма твои меня много успокаивают, а то думаешь, думаешь о тебе и так станет тяжело..... Прощай!

Твой брат М. Достоевский.

Р. С. Я очень рад, что Андрусша уехал. Кроме того, что место его прекрасное, он наконец привыкнет жить своим умом.

Ты не поверишь как слаб он сердцем. Николая ходит к нам по праздникам. Он просил меня поклониться тебе. Жена тоже тебе кланяется.

ПРИМЕЧАНИЯ

к письмам М. М. Достоевского.

1. Имя Николая Ивановича Рейнгарда упоминается в письме Ф. М. Достоевского к брату (весна 1847 г.) „Биография, письма... Ф. М. Достоевского“ изд. 1883 г. стр. 65.

2. Имеются в виду московские родственники Достоевских, главным образом П. А. Карепин, муж старшей сестры Достоевских, Варвары Михайловны. После смерти отца Достоевских П. А. Карепин управлял общим имением братьев и сестер.

3. Павел -- крепостной слуга.

4. Генерал лейтенант Кривопишин занимал влиятельное положение в Инспекторском Департаменте. О нем см. в изд. „Биография, письма...“ 1883 г. стр. 30 (статья О. Миллера) и стр. 21, 22 (письма).

5. М. М. Достоевский упоминает здесь о письме Ф. М. Достоевского от 9 сентября 1847 г. См. Изд. „Биография, письма...“ 1883 г. стр. 65—67.

6. Отдельное издание первой повести Ф. М. Достоевского, напечатанной в „Петербургском Сборнике“ изд. Н. Некрасовым в 1846 году.

7. Письмо Ф. М. Достоевского к брату Андрею Михайловичу, относящееся к этому времени, опубликовано не было.

8. В „Отечественных Записках“ в V-ой книге за 1849 г. была помещена третья часть „Неточки Незвановой“.

9. Ф. М. Достоевский узнал об освобождении брата ранее от князя Голицына (см. „Биография, письма“... изд. 1883 г. стр. 105), Семья М. М. Достоевского этого времени состояла из жены Эмилии Федоровны и троих детей—Федора, Михаила и Марии, из которых старшему было 7 лет.

10. Имение Достоевских „Даровое“ находилось в Тульской губ. Каширского уезда. Дела по имению вел П. А. Карелин. К 1849 году имение находилось в плохом состоянии и было обременено долгами в Опекунский Совет. С 1850 года делами имения занялся А. П. Иванов, муж другой сестры Достоевских Веры Михайловны. Имение перешло впоследствии в собственность семьи Ивановых. Николай и Александра—младшие брат и сестра Достоевские.

11. Андрей Михайлович Достоевский.

12. Письмо Ф. М. Достоевского из крепости от 18 июля 1849 г. См. „Биография, письма...“ стр. 67.

13. Возможно, что М. М. Достоевский имеет в виду свою повесть „Два старичка“, напечатанную в ноябрьской книжке „Отечеств. Записок“. Роман, к которому он так серьезно относился, вероятно его роман „Деньги“, оставшийся незаконченным. Эпизод из него он напечатал в „Пантеоне“ 1852 г. под названием „Брат и сестра“.

14. М. М. Достоевский говорит здесь, вероятно, о работе рецензента в „Отечеств. Записках“, где он в это время сотрудничал.

15. В конце 40-х годов М. М. Достоевский был преподавателем русской словесности в Кузнецовском женском училище. См. письмо к нему А. В. Никитенко от 30 декабря 1850 г. хранящ. в Р. Ист. Музее.

16. Парголово—дачная местность под Петербургом.

17. „Иногородний подписчик“—А. В. Дружинин.

18. Николай Михайлович, младший из братьев Достоевских. Мурино—дачная местность под Петербургом.

19 В черновой тетради М. М. Достоевского, относящейся к 1849 году, есть набросок комедии, позднее получившей название „Мачеха“. Комедия не была напечатана и хранится незаконченная в архиве Е. М. Достоевской.

В 1851 г. М. М. Достоевским была напечатана комедия „Старшая и меньшая“, которая имела большой успех на сцене.

20. О н и—т.-е. московские родственники Достоевских.

21. Письмо Ф. М. Достоевского из крепости от 27 августа 1849 г. См. „Биография, письма...“ изд. 1883 г. стр. 69.

22. В IX книжке „Отечественных Записок“ была напечатана комедия Тургенева „Холостяк“.

23. „4 тома русских авторов“, вероятно издание Ал. Смирдина—„Полное собрание сочинений русских авторов“.

24. Письмо Ф. М. Достоевского из крепости от 14 сентября 1849 г. см. „Биография, письма...“ изд. 1883 г. стр. 71.

25. Повесть М. М. Достоевского „Два старичка“ была напечатана в Отеч. Записках 1849 г. кн. XI.

ПИСЬМА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО К Э. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ.

Дрезден 1/12 Июля/67 [Июня].

Многоуважаемая Эмилия Федоровна,

Я полагаю, что Вы теперь находитесь уже в Павловске, а потому и адресуую в Павловск. Хорошо еслиб мое письмо не замедлило. Очень рад, что Вы здоровы; дай Бог, чтоб и все остальное было благополучно. Уехал ли Федя? ¹⁾ Если не уехал еще, то скажите ему чтоб он передал мой поклон Верочке и А. П—чу и в особенности Сонечке и Машеньке ²⁾. На-днях я получил письмо от Паши, из которого и знаю сколько-нибудь о Вас. Хорошо кабы Разин ³⁾ отдал еще хоть 100 руб. (больше он не даст, и рассчитывать, по-моему, нечего. Хорошо и это). Паша ⁴⁾ пишет, что Алонкин ⁵⁾ спрашивает меня на счет квартиры. Так как я полагаю (по письму Паши), что он уже уехал в Псков, то и обращаюсь к Вам, многоуважаемая Эмилия Федоровна, с особоною просьбою, которую и прошу Вас, если возможно, поскорее исполнить, а именно: Пошлите кого-нибудь к Алонкину (Мишу например), а то попросите и Николая Михайловича ⁶⁾ и, во-первых: пусть Миша передаст Алонкину мой поклон и уважени́е, а во-вторых, пусть передаст ему, что теперь, в настоящую минуту, я никак не могу сказать наверно займу ли я возвратясь, (кроме той квартиры в которой Вы теперь живете) ту квартиру, в которой, рядом с нами живут жидаы? Что же касается до старой моей квартиры (той самой в которой теперь живете Вы), то я непременно оставляю ее за Собою и в ней будете жить я или Вы. Это очень важно для меня и надо ему передать, немедленно. Полагаю что Паша уже уехал в Псков, от того и не пишу ему и не поручаю, а прошу Вас. Всего лучше пошлите Мишу.

Я в настоящую минуту не совсем здоров. Припадки все не были, целых полтора месяца, а вчера вдруг случился, небольшой. Если пожить здесь еще несколько месяцев, то полагаю совсем пройдут.

Поцелуйте за меня детей и передайте всем нашим близким искреннее мое уважение, в особенности Кашиным ⁷⁾. Каков Милюков - то ⁸⁾? Хорош нечего сказать. На днях буду писать Майкову ⁹⁾. Полагаю что скоро из Дрездена выеду. Напишу еще и тогда вышлю другой мой адресс. Анна Григорьевна свидетельствует Вам искреннее свое уважение. До свидания Эмилия Федоровна, будьте здоровы (главное) и дай Бог провести счастливое лето.

Искренно любящий Вас брат Ваш

Федор Достоевский.

Женева Сентября 16/28—67.

Милая и многоуважаемая

Эмилия Федоровна,

Давно очень хотел Вам писать; по крайней мере, не проходило дня, чтоб я об Вас обо всех не думал. Теперь, полагаю, Вы уж с дачи давно воротились. Прошу Вас очень, уведомьте меня ни мало не медля: как Ваше здоровье и как Вы живете? Напишите обо всех обстоятельствах. Очень прошу Вас. С Вами ли Федя? Я знаю, что он жил летом в Москве на даче; но ездил ли на юг? А теперь, если он в Петербурге, то удачны ли его занятия? Здоров ли Миша и Катя? ¹⁰⁾ С Вами ли жил (или живет) Паша? Об нем я не имею никакого понятия. Вот уже скоро три месяца ни одной почти строчки от него. Еслиб захотел написать, то всегда, конечно, мог это сделать: ведь он знал же, или мог всегда узнать адресс через Анну Николаевну ¹¹⁾, а лучше всего мог передать ей письмо для пересылки мне. Тут уже ясно, что не хотел. Я просил Аполлона Николаевича ¹²⁾ передать ему 25 р. и он должен был получить в начале Сентября. К несчастью я теперь совершенно без денег, живем на триста франков в месяц, но через месяц ни копейки не будет. На деньги раньше Нового Года не рассчитываю. Теперь засел в Женеве и работаю; работа длинная. ¹³⁾ Мучает меня очень то, что в настоящую минуту, ничем не могу помочь Вам. Мне это чрезвычайно тяжело. К Новому Году хоть из-под земли достану, а с Вами поделюсь. Как нарочно, добрый друг мой Эмилия Федоровна, именно тогда то и нет денег, когда всего нужнее. Кто знает, года через два, если Бог даст здоровья и долги заплачу свои, может быть и Вы нуждаться не будете. Тогда деньги будут оставаться не у кредиторов, а у нас; но все это покамест буки и и славны бубны за горами.

Я Вам адрессую в Столярный переулок, полагая, что Вы на прежней моей квартире, потому, что квартира до сих пор на мое имя

ходит и Вы за нее ничего не должны платить, как и было у нас условлено с почтенным моим хозяином Алонкиным. Что он? Не напоминает-ли Вам чего о квартире? Напишите об этом. Я Алонкину сам писать буду скоро. Забыл я несколько буквальный смысл той записки, которую я ему дал. Не помнит ли Паша? И не имеете ли Вы копии? Во всяком случае передайте, хоть через Мишу, Алонкину мой поклон. (Писать ему буду сам). Такие честные люди, как он, и так благородно и деликатно со мной поступавшие, всегда могут быть во мне вполне уверены, прежде других кредиторов.—Кстати не знаете ли Вы чего о прочих кредиторах моих, не приходили ли почему-либо обо мне справляться, или не слыхали ли Вы чего? Если что знаете, то известите. Некоторым я хочу написать. К несчастью раньше будущего года никому ничего обещать не могу. А так как они, если я ворочусь, жлать не будут и непременно начнут взыскивать с меня по суду, то я и не решаюсь некоторое время (до тех пор пока кончу роман) возвратиться. К тому же в настоящую минуту совсем нет средств для переездки. А между тем я-бы гораздо скорее мог приобрести деньги в Петербурге. Действовать через письма чрезвычайно трудно. Надо полагать, что я заимую. Не знаю сколько еще останусь в Женеве: все это судя по обстоятельствам. Климат в Женеве для меня скверный. В Германии припадки были очень редкие, а в Женеве не опомнюсь, чуть не каждую неделю. Все это горы и непрерывные перемены в атмосфере. Надобно выехать. Но покамест, если хотите мне написать, то пишите в Женеву.

Suisse, Genève

A M-r Th. Dostoiewsky

poste restante

Напишите мне чтонибудь об сестре Саше ¹⁴⁾, об ее детках, о моей крестнице и о брате Коле? Как его здоровье? Что делает Миша? Не уведомит ли Федя хоть двумя строками о Московских. Чтонибудь? Не смягчится ли Паша, не напишет ли чего-нибудь? Как Вы с ним жили Эмилия Федоровна? Не надосадила ли он Вам чем-нибудь? Во всяком случае ему, Феде, Мише, Коле жму руку от души. Напишите мне что-нибудь, тогда напишу Вам более. Если кто из кредиторов моих обо мне наведается, то адреса моего нечего говорить. Передайте мой поклон всем тем кто меня добром помнит. Чуть только буду при малейших средствах, то немедленно поделюсь с Вами. Катю целую. Целую Вашу руку и обнимаю Вас. Аня очень Вам кланяется, впрочем она сама хочет приписать Вам, а я в ожидании что меня не забыли.

Вам искренно преданный и любящий Вас брат Ваш.

Федор Достоевский.

Р. S. Прежде брат Миша выручал когда бывало без денег засяду за границей, а теперь на одного себя, больного, надейся! Много он мне помогал.

[рукой Ан. Григ.].

Как Вы поживаете моя милая и многоуважаемая Эмилия Федоровна, как теперь Ваше здоровье; я думаю, лето и дача принесли Вам пользу и Вы хоть несколько поправились. Узнать, что Вы теперь меньше страдаете, чем прежде, будет для меня очень и очень приятно. Как Вы проводили лето, было ли Вам весело в Павловске, что поделывает Катя, как ее успехи в гимназии. Напишите пожалуйста нам возможно скорее, мы будем так рады узнать о Вас что-нибудь побольше. Что Федор Михайлович? Он вероятно воротился из Москвы и теперь попрежнему с Вами. Передайте пожалуйста ему мой поклон и просите тоже что-нибудь приписать. Поклонитесь Павлу Александровичу и передайте, что я крепко браню его за неисполнение обещания: обещал мне описать подробно все свое житье-бытье, и до сих пор ни строчки. А мы бы так были рады узнать что-нибудь о нем. Занимается-ли он стенографией и видит-ли Ольхина ¹⁵⁾? Если видит, то пусть потрудится сказать ему, что я жду ответа на письмо, адресованное на его квартиру в Басков переулок. Не переехал-ли он? Если Павел Ал. узнал об этом, то бесконечно бы обязал меня. Что поделывает Михаил Михайлович? Передайте мой поклон Александре Михайловне и ее семейству и Николаю Михайловичу и скажите, что я ужасно как перед ними виновата, что давно не писала. Если увидите Кашиных, то пожалуйста передайте мой глубокий поклон, а также Милюковым. Теперь до свидания многоуважаемая Эмилия Федоровна целую и обнимаю Вас, желаю всего, всего хорошего и главное здоровья.

Ваша А. Достоевская.

[рукой Фед. Мих.].

Я много перебрал денег у Каткова ¹⁶⁾ который благороднейшим образом со мной поступал. Теперь, раньше чем что-нибудь кончу и перешлю, нет возможности у него просить. Но при первом случае сделаю так чтоб Вам и Паше получать помесечно и постоянно из Русского Вестника. Но это будет месяца через два не раньше, а до тех пор и Паше не знаю что переслать. Хорошо-бы если Паша написал мне поскорее; по крайней мере я что-нибудь знал бы о нем. Сердце у него добрейшее и сам он благороден,—быть не может, чтоб он меня позабыл.

Ф. Достоевский.

[Приписка на полях рукой Фед. Мих.].

Особенно Кашиных передайте мой поклон и мою горячую симпатию. Людмиле и Ольге Александровне Милюковым ¹⁷⁾ тоже. Но не М-г Милюкову.

23/11 Октября 67. Женева.

Благодарю Вас очень, добрая и многоуважаемая Эмилия Федоровна за письмо Ваше; теперь по крайней мере имею хоть какие-нибудь об Вас сведения. Вчера отправил письмо к Паше, хотел писать вчера же Вам и Феде и не успел. Да и лучше что пойдет порознь, а не все в одном пакете, потому что письма иногда пропадают (это было) так один пакет затеряется, другой дойдет: хоть какое-нибудь да известие. Рад, что Вы слава Богу здоровы и очень грущу, что денежные обстоятельства у Феде плохи. А я, вообразите, слышал здесь что Вы, будто-бы, какое-то вспоможение получили (так и думал что от литературного фонда ¹⁸) потому что откудова-же?) и очень-очень обрадовался. (Слышал не от Анны Николаевны). У самого меня денег нет и как только подумаю, бывало, об Вашем положении, так тяжело самому станет. Судите-же как был я рад, за Вас, этому известию. И вот оказывается, что все не правда и что Вы ничего не получали!

Мое положение теперь вот какое: я сижу в Женеве буквально без копейки. Месяца два назад Аполлон Майков прислал, по моей просьбе 125 р. Анна Григорьевна в конце пятого месяца, стало быть ко всему нужно приготавливаться. Между тем климат в Женеве не по мне: тут непрерывные ветры и перемены погоды. Припадки мои обнаружались с самою полною силою. Нужно хоть куданибудь, а поскорее выезжать.

Я работаю и мне надо теперь много и непрерывно работать, чтобы чрез несколько месяцев понадеяться на порядочную сумму; а до тех пор надо жить. Не знаю помогут-ли мне хоть капелькой из Русского Вестника (куда я еще ничего не выслал). Катков между тем поступал со мной так благородно, что я не знаю как и благодарить его: я перебрал у него много денег вперед (еще до женитьбы на сватьбу взял денег и с тех пор он никогда не отказывал, хотя в сущности за границей мы жили довольно таки скромно и много-много что каких-нибудь рублей 250 я истратил нерасчетливо. Все же остальное время мы тратили не более 100 р. в месяц. Никак). Теперь-же не знаю: Катков не один в „Русском Вестнике“, и может быть мне и откажут на время. Я просил самую малость, иначе мне совершенно жить нечем. Сидим здесь без копейки.

Но может (?) впрочем случиться Эмилия Федоровна, что мне рублей 100 и пришлют. В таком случае я просил прислать мне еще 60 р. сверх того, и выслать эти 60 р. на имя Аполлона Николаевича Майкова. (Аполлону Николаевичу я писал). Из этих 60 р. возьмите, Эмилия Федоровна, себе 40 р. Остальные 20 я просил выдать Паше, если ему очень надобно. Он, кажется, до сих пор у Вас живет. В таком случае эти 40 р. Вам сколько-нибудь, хоть капельку, помогут.

Аполлон Николаевич до сих пор выдавал ему хоть немного, денег. Я бы желал чтобы Паша делился с Вами, если он у Вас ест и пьет. Очень, очень бы был рад хоть сколько-нибудь Вам еще помочь; но все неверно, все зависит от моей работы и на все нужно время, а я еще все хвораю в добавок; да и сам с беременной женой сижу без одной копейки.

Эти 60 р. может быть придут, а может быть и нет, это главное; я ничего не знаю наверно. Надеюсь только. Но если придут (на имя Майкова, так я просил) то именно, кажется мне по расчету, должны придти те перь, в то время как получите это письмо,—может быть несколько раньше, может быть несколько позже. Но повторяю очень может быть что и не придут совсем. Желал-бы очень, чтобы пришли, потому что хоть капельку помогли бы Вам. Майкова я об этом уведомил. Хорошо бы еслиб Вы к Майкову наведались и спросили (можно даже сказать что я писал Вам, в виде предположения что может быть пришлют). Сомнения нет, что Майков и сам Вам доставит, если только пришлют ему. Но может быть будет и ждать Вас,—не знаю. Прошу только Вас, обо всем этом и о моем адресе, не говорит никому. Лучше будет. Я бы очень желал тоже, чтобы 20 руб., которые я предназначаю Паше, были выданы ему Аполлоном Николаевичем, совершенно по воле и усмотрению Аполлона Николаевича.

Обнимаю всех и целую и всем передаю мой искренний и глубокий поклон. Феде пишу, Мишу и Катю целую. Коле скажите что очень его люблю и часто о нем думаю. Тоже и Саше и ее семейству. Как бы хорошо было, еслиб Миша старался искать что-нибудь посерьезнее чем скрипка. Стоит только начать приучаться. Не оставьте Пашу. Будьте уверены Эмилия Федоровна в моей всегдашней твердой и горячей привязанности к Вам и ко всему семейству нашего доброго, незабвенного Миши. Плохо только то, что средства мои слишком всегда плохи и уж конечно. главное от того, что долги доели, а их еще года на два хватит. Мечтаю воротясь в Петербург, начать издавать еженедельный журнал в моем роде, который я придумал¹⁹). Надеюсь на успех, только ради Бога не говорите никому ничего заранее.

Про Милюкова я уже слышал давно. Эки бедные дети и экой смешной человек! Смешной и дурной. Я бы даже желал, чтоб она его обобрала. Жаль Кашиных. Анна Григорьевна теперь иногда хворает (в ее положении) велела Вам очень кланяться и передать, что она искренно и глубоко Вас любит. Адресс мой покамест тот-же; *Genève, poste—restante*. Хозяину Алонкину я напишу; но уведомьте меня как его имя и отчество.

Пишите о своих делах подробнее. Еслиб я был в Петербурге, мне было-бы лучше. Что делать! До свидания Эмилия Федоровна.

Искренно преданный и любящий Вас Ваш брат

Федор Достоевский.

Женева 9 марта 26 февраля/68.

Любезнейшая и многоуважаемая
сестрица Эмилия Федоровна,

22 (5 м.) февраля Бог мне дал дочь, Софью, о чем спешу Вас уведомить, вместе с просьбою полюбить Вашу племянницу. Все обошлось совершенно благополучно и Анна Григорьевна (которая Вам искренно кланяется и желает всего лучшего) в настоящую минуту почти выздоравливает.

У нас было много хлопот во все последние месяцы нашего житья в Женеве и порядочная нужда, так что я не мог часто писать к Вам. В последнее же время, два месяца напролет, занят день и ночь, работаю, пишу роман ²⁰⁾; надобно и не опоздать и сделать хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Слишком много связано с этим романом в будущем; при успехе можно продать к концу года второе издание, а стало-быть, хотя частью заплатить долги и возвратиться в Россию. При неуспехе-же уж и не знаю что будет, но только очень плохо. В эти два месяца я написал и отослал в Редакцию Русского Вестника на 11^{1/2} печатных листов, а стало-быть сами видите было-ли мне время писать хоть кому-нибудь?

И однакож все это время я страшно сокрушался, что ничего не могу Вам послать и ничем поделиться с Вами. Был в невыносимой тоске по Вас. Хуже всего то, что я запоздал с романом. Еслиб я не истребил того, что написал раньше, то в настоящую минуту хоть какие-нибудь деньжонки были бы.—Но я сам постоянно нуждался все это время и хотя постоянно получал, по моим просьбам, из Русского Вестника, но слишком мало, так что здесь задолжал и вещи мои, какие возможно, здесь в закладе. Так как уж слишком много забрано в Русском Вестнике вперед, то я и определил раньше не просить сумму, сколько-нибудь позначительнее, пока не отошлю по крайней мере листов на 20 печатных. Но обстоятельства доканали меня и сделали, что я не мог выдержать решения и теперь, отослав всего только 11-ть печатных листов, послал просьбу о 500-х рублях.— (Родины обошлись гораздо дороже чем я думал и даже в эту минуту имею всего только сорок франков, а должен более 400 франков). Не знаю будут ли согласны в Русском Вестнике на эту просьбу, т.-е. пришлют или нет 500 р.? Они (т.-е. Катков) всегда со мной поступали превосходно. Но в последние три месяца я получал с небольшим только по сто руб. в месяц, так что 500 р. может быть, при моем огромном долге, покажется им слишком значительным требованием.

Во всяком случае надеяться все таки можно, хотя ждать придется и долго, так как они, постоянно и всем, чрезвычайно медленно отвечают. Из этих 500 р. я просил прислать мне сюда в Женеву только

300 р., а 200 р. выслать к Вам в Петербург, на имя Аполлона Николаевича Майкова, о чем я Ап. Николаевича, на всякий случай, предупредил. Из этих 200 р. — сто руб. я просил Ап. Николаевича выдать Вам, а 50 Паше.

Итак наверно — конечно нельзя сказать: пришлют они или нет? Но все таки ожидать можно что пришлют. Во всяком же случае пришлют не сейчас, а по крайней мере через неделю по получении Вами этого письма, так что раньше этого срока и не навешивайтесь к Ап. Николаевичу. — Если эти 100 р. получите, то прошу Вас, любезнейшая Эмилия Федоровна, выдать на руки 10 р. Мише, (которому конечно нужно гораздо больше для костюма и проч.) и 10 р. употребить (для костюма и проч.) на Катю, а 80 р. возьмите себе.

Ах, Эмилия Федоровна, пожелайте чтоб роман удался, не опоздал и написал бы я его поскорее; тогда деньги будут и опять Вам пришлю, может быть и гораздо побольше. Я теперь сажусь писать дальше; роман будет листов печатных в сорок.

В Женеве проживу еще, по необходимости, месяца два и разве к Маю перееду куда-нибудь недалеко. Сделайте одолжение напишите мне или попросите Федю уведомить меня об Вас. Я рассчитывал еще осенью, что покрайней мере рублей 300 перешлю Вам и Феде в эту зиму; но вот как оно обернулось, даже Пашу бедного оставил на своем заработке.—Хозяину квартиры, Алонкину, буду писать завтра и буду просить его подождать еще немного на мне. Во-всяком случае, даже при самом малом успехе в моих делах, он не очень долго на мне прождет. Письмо же мое послужит ему все-таки некоторого рода документом на меня. Я очень боюсь, что Вы от него переехали. Не думаю, чтоб он Вам решился сделать неприятности: это человек разсудительный и благородный.

Известие о смерти Александра Павловича ²¹⁾ очень меня поразило. Бедная Верочка и бедные дети! На днях хочу писать к Саше и к Коле, чтоб уведомить их о рождении дочери, да и вообще сказать словечка два. Но так как адрес Саши, по моей глупой памяти, в точности говоря забыл, то и напишу на имя Ваше с передачею Саше. Здоров ли Федя? Здоровы ли все Ваши, а главное Вы.—Я тащусь кое как: припадки хоть и реже чем в Петербурге, но все-таки посещают, особенно когда стал усиленно заниматься. Боюсь, что письмо мое как-нибудь к Вам не дойдет, т.-е. что Вы оставили эту квартиру, или что-нибудь в этом роде. До свидания любезнейшая и уважаемая Эмилия Федоровна, жму руку Феде и целую Мишу и Катю, Анна Григорьевна обнимает Вас и кланяется Феде и Мише и цалует Катю.

Ваш весь Ф. Достоевский.

P. S. Я Паше писал дней 5 тому назад. Но тогда еще Соня не родилась. Уведомьте его от моего имени о рождении сестры, которую и прошу его любить.—Ребенок здоровый, большой, сильный и необыкновенно на меня похожа. Соней назвали в честь Сонечки Ивановой. Еслиб мальчик был, то был бы Миша, в честь милого и незабвенного нашего покойника.

P. P. S. S.

С месяц тому назад я Феде писал (отвечал на его письмо). Дошло ли мое письмо?

Вевей 9/21 Августа 1868 г.

Многоуважаемая и любезнейшая

сестра, Эмилия Федоровна,

Вчера я получил письмо Ваше; оно меня чрезвычайно удивило потому что мне не хотят писать и отвечать на мои письма, а не я молчу и не отвечаю на Ваши письма, которых я впрочем давным давно не получал.—Я несколько раз зимой и весной писал к Паше, но ответа не получал; наконец, месяца два с половиной тому назад, получил от него большое письмо, в котором он извещал меня, что он много раз писал ко мне, но что письма его стало быть ко мне не доходили. Это мне очень странно. В этом письме он писал мне про Михаила Гавриловича Гаврилова, бывшего фактором при типографии Праца (теперь-же у Вознесенского моста, в доме Китнера, при типографии Головачева, фактором-же). Паша предлагал мне на вид возможность сделать у него, для Вас (и для Паши), заем, и писал мне, что он уже говорил об этом с Гавриловым и что нужно с моей стороны, отсюда, во 1-х) Росписку, в которой-бы я, на отдельном листе засвидетельствовал, что получил от Мих. Гавр. Гаврилова 200 р. (двести рублей) и обязуюсь их уплатить ему через восемь месяцев и во 2-х) написать ему при этом отсюда письмо, в котором просить Гаврилова, чтоб он мне не отказал.

Так-как я с Мих. Гав. Гавриловым дельвал уже неоднократно, удачно и счастливо большие и тысячные дела и так-как он знает меня за человека верного и состоятельного (и сверх того не перестающего заниматься литературой, а Гаврилов занимается изданиями) то я, желая искренно и поскорее помочь Вам, отвечал тотчас-же, тогда-же, немедля ни мало, т.-е. два с половиной месяца назад Паше, и в письме к нему вложил росписку в двух-стах рублях и письмо от меня к Гаврилову, в котором просил не отказать мне и

выдать эти 200 р. в руки Павлу Александровичу Исаеву. Письмо это к Паше, со вложением писем к Гаврилову и росписки, я адресовал на Ваше имя, (т.-е. Эмилии Федоровне Достоевской). Вам собственно в этом письме я не писал, а просил только Пашу Вам кланяться и засвидетельствовать мое уважение и при этом поручал Паше выдать Вам часть полученных от Гаврилова денег, другую часть определял самому Паше и наконец третью, очень маленькую часть, определял употребить на одно из моих поручений.

Кроме того, в этом письме я делал Паше одно очень важное поручение: смысл этого поручения состоял в том, чтоб переговорить с Гавриловым, (уже после того когда кончится дело и он выдаст 200 руб.) о возможности у Гаврилова еще сделать один заем, гораздо больше, уже для меня, на основании заклада права получения по контракту одной суммы (которую мне придется получить в будущем году со Стелловского) — одним словом дело, как Вы можете сами видеть, очень важное. И потому отослав 2¹/₂ месяца тому назад, на Ваше имя, это большое письмо к Паше и с такими важными бумагами я просил и требовал от Паши немедленного ответа, во-первых как он распорядился, то есть получил-ли деньги, сколько оставил у себя и сколько выдал Вам и во 2-х) говорил ли с Гавриловым?

И вот до сих пор, т.-е. целых два с половиной месяца, я не получал никакого ответа на такое важное для меня письмо! Наконец вчера получил письмо от Вас и в нем ничего нет об этом деле! Если Вы получили деньги, то хоть-бы полслова написали об этом! Неужели-же письмо пропало? То почему-же другие письма мои не пропадают? Но если оно пропало, то согласитесь сами, что в нем были важные бумаги, была росписка в двух стах рублях и письмо к Гаврилову. Даже может случиться, что ктонибудь этим воспользовался, предъявил росписку и письмо Гаврилову и получил с него деньги. Во всяком случае это молчание меня все это время тревожило (а у меня не мало горестей и тревог других).—И потому прошу Вас покорнейше и убедительнейше, многоуважаемая Эмилия Федоровна, написать мне по возможности немедля во 1-х) получено-ли было Вами, два с половиной месяца назад, письмо к Паше, но адресованное на Ваше имя, во 2-х) получили-ли Вы деньги? Если нет, то покорнейше прошу послать к Гаврилову (а лучше бы самим сходить) и расспросить его: не получал-ли он от кого-нибудь моего письма и росписки в займе у него двух сот рублей?

Письмо Ваше меня огорчило и расстроило чрезвычайно. Я хоть надеялся все это время что Вы хоть не много, но получили денег (через Гаврилова), а я из письма Паши еще мог заключить, что Вы все страдаете. Теперь и Паша без денег. У меня же теперь ни копейки нет в виду до самой осени (т.-е. до окончания и сдачи 3-й части романа) и я сам, в эту минуту, едва перебиваюсь.

Смерть моей Сони ²²⁾ поразила меня ужасно, так что я не мог много и работать. Жена тоже часто хворает. Жду возможности переехать из Вевея. Климат здесь даже вредный для нас обоих.

С этим письмом я пишу тоже к Ивану Максимовичу Алонкину. Я сам рассчитывал получить порядочно денег по крайней мере в Июле месяце, а потому уже писал ему раз, в конце весны, и обнадеживал его что в Июне или в Июле пришлю ему в уплату за квартиру по крайней мере половину. Понятно что он теперь недоволен мною очень. Я пишу к нему теперь письмо извинительное и прошу его продержатъ Вас на квартире хоть два месяца. Но, согласитесь сами, что теперь уж во всем его добрая воля; не видя ни уплаты, ни моего возвращения, он может начать сомневаться. Он полтора года ждал,—это безпримерно. И хоть я при первых деньгах начну уплату с него, но все-таки полагаю, что теперь мое письмо и мои просьбы не очень-то много будут значить в его глазах.

Письмо это я вкладываю в письмо мое к Ивану Максимовичу и прошу его покорнейше и убедительнейше доставить его Вам. Согласитесь сами, что если все, и самые важныя при том для меня письма, пропадают, то лучше взять свои меры. Это письмо к Ивану Максимовичу я застраховываю. Таким образом оно непременно должно дойти до Вас и я надеюсь на немедленный ответ от Вас о Гаврилове.

Вы напрасно, Эмилия Федоровна, пишете в Вашем письме что будто-бы нас, то есть меня с Вами кто-то хочет поссорить и что это грешно перед Богом. Будьте уверены, что нас никто не ссорит и не хочет ссорить; даже совершенно напротив. Примите эти слова буквально. Мне, который отослал 2¹/₂ месяца в Петербург (хоть и Паше, но прямо касающееся Вас) письмо и с тех пор вот уже два месяца жду ответа и нахожусь в чрезвычайном беспокойстве,—мне вдруг пишут обвинение, что я шесть месяцев не писал! После этого конечно не знаешь что и подумать.

Не смотря на слабое здоровье, я занят день и ночь работой. Времени у меня так мало, что не сердитесь за то что я писал к Паше, а не к Вам лично, хотя и об Ваших делах и велел ему передать Вам полное мое уважение. Я не переставал писать даже тогда, когда ко мне, напротив все перестали писать. Это я повторяю. Жена Вам кланяется. Передайте, прошу Вас, мой поклон всем кто меня помнит и будьте уверены, что я вовеки веков Вам предан и поделюсь с Вами последним в память брата Миши, если только будет у меня это последнее.

Ваш искренний и глубоко уважающий Вас брат

Федор Достоевский.

[На полях:]

Хоть я и желаю отсюда переехать, но адрес мой тот-же т.-е. Вевей. Если перееду Вам напишу. Письмо это я вложил в письмо к Ивану Максимовичу незапечатанным.

Милан 9 ноября/28 октября 68 г.

Любезнейшая и многоуважаемая

Сестра, Эмилия Федоровна,

Простите, что не сейчас отвечаю на доброе и приветливое письмо Ваше, Эмилия Федоровна. Но я до того был занят работой, что не мог оторваться, как ни странно это Вам покажется. Я и не Вам одной, а всем ничего уже не пишу в рабочее время, и даже откладываю отвечать на самые важные и касающиеся до моих интересов деловые письма, чем и врежу себе лично, как и случилось со мной недавно.— Мне очень жаль что Вы не можете более пользоваться квартирой у Алонкина, но спешу Вас еще раз уведомить, что все это случилось против моего желания. Но так как я в полтора года, ни гроша не заплатил Алонкину, то он сам рассердился и уведомил меня что не может более оставлять за мной квартиру. Я просил Марию Григорьевну ²³⁾ поговорить с ним и склонить его потерпеть на мне, рассчитывая что он согласится подождать до Нового Года. Когда же получил от Вас уведомление что Алонкин просит вексель, то и просил Вас в последнем письме сходить к нему и спросить только совета: как послать вексель из-за границы? Он торговый человек и лучше меня это знает. Мне очень жаль, что Вы у него не были. Во-первых, мне самому хочется удовлетворить его требованию на счет векселя, а во-вторых, видя мою готовность, дать вексель, он может быть и сам согласился бы, без Вашей просьбы даже, оставить квартиру за мной, так что может быть Вы бы могли прожить на квартире долее. Я так рассчитывал потому, что я жил с ним и расстался с ним в весьма хороших отношениях. Марье же Григорьевне я ничего не поручал собственно на счет векселя.

Вы выписываете слова из прошлогоднего письма моего и спрашиваете их объяснения. Трудно мне сказать теперь, не имея всего письма перед глазами, всю мою тогдашнюю мысль; но наверно я подразумевал помощь от правительства. Просьба Ваша, жены издателя и редактора весьма значительного журнала, по моему полному убеждению, не может остаться безо всякого внимания, особенно если Вы докажете, что Вы не имеете ни малейших средств к существованию. Но действовать подавая эту просьбу можно двумя путями, т.-е. подавая Министру, или обратясь лично с просьбою еще выше. К сожалению, я не могу Вам раз'яснить всю мою мысль, будучи

так далеко от Вас. В этом отношении я имею свои особенныя соображения и полное убеждение в милость Государя. Но за то вполне убежден что если Вы начнете просить теперь, то можете как-нибудь ошибиться и повредить своему делу. Я очень очень бы хотел быть теперь при Вас, но не могу еще возвратиться, при расстроенных моих обстоятельствах.

Все зависит от денег и от расчетов на будущее. Для этого мне во-первых надо кончить роман в Русский Вестник, с которым я опоздал чрезвычайно и кончив, уплатить долг Русскому Вестнику. Вот причина почему я не могу обратиться в Русский Вестник, как делал прежде, с просьбою о значительной сумме разом: Надо прежде заработать долг. Если кончу чуть-чуть успешно работу, то может быть найду издателя на второе издание, здесь или в Москве—а следственно и еще деньги, значительныя, говоря относительно. Наконец, есть у меня и другие расчеты. Но прежде всего, и главное, надо кончить работу. Имея некоторые деньги, я во-первых, удовлетворю горячему желанию помочь Вам и Паше, а во-вторых войду отсюда в соглашение с кредиторами выплатив им часть долга наличными, а на остальное выпросив годичный срок. Если же я прямо приеду, не войдя в соглашение, то кредиторы меня посадят в тюрьму, не понимая того, что я, в тюрьме, при здоровьи моем, не могу работать, а стало быть не смогу им и выплатить, тогда как имея срок, и шанс смогу, при счастья разумеется, получить за работу такие же огромные деньги как за роман мой Преступление и Наказание.—Вот Вам откровенно все мое положение. Но не советую Вам показывать это письмо другим; я не хочу, чтобы дошло до кого-нибудь из кредиторов, раньше чем следует, что я хочу войти с ними в соглашение. Это повредит мне, а стало быть и Вам. Если я теперь некоторое время не в состоянии Вам помочь, то верьте, что при первых средствах я Ваш верный и искренний слуга и брат, пока живу,—помня брата Мишу.—О Паше я измучился думая.—Но так сошлись обстоятельства, что никак не могу, до времени, попросить у Русского Вестника хоть что-нибудь свыше получаемого мною содержания. Впрочем, повторяю, хотя и не знаю наверно сроку, попрошу при первом случае рублей полтора (по 75 рублей Вам и Паше), а если можно и побольше. Постараюсь это сделать возможно скорее.—В Везе до того дурен климат (для моей болезни), что я переехал в Милан. Климат удивительно здесь хорош, но жизнь и дорога и неудобна.

[Окончание письма не сохранилось]

Флоренция 23 янв. 4 февр./69

Любезнейшая и многоуважаемая
Сестра, Эмилия Федоровна,

Вы конечно сердитесь на меня, что я долго Вам не отвечал, а между тем, я хоть и не мог Вам до сих пор ответить, но за то употребил все старания по возможности так все устроить, что если и не состоялись мои старания, (об чем беспокоюсь не имея известий), то уже не по моей вине. Не отвечал я потому что был занят окончанием романа день и ночь буквально и сверх того в это-же время десять дней сильно болен,—так что опоздал с окончанием работы еще более. До окончания отложил всякую переписку. И однако писал Каткову (хотя дал себе слово не просить у него ничего прежде окончания работы, потому что это могло мне потом повредить в дальнейших, главных расчетах) и просил его, чтоб он выслал 100 руб. в Петербург на имя Ап. Ник. Майкова, а в письме моем к Аполлону Николаевичу упомянул, чтобы он выдал Вам (Паше и Вам), получив эти 100 руб. по 50 рублей. Это было до праздника; но в Русском Вестнике всегда отвечают недели две по получении письма, в чем уже виновато устройство Редакции. Но написав Ап. Николаевичу, я не написал Вам, понадеясь что он увидит Пашу (которого он-же и к месту пристроил) а таким образом Вы и узнаете, что к Вам, может быть, есть у него от меня деньги. Я пишу: может быть, потому что не знаю наверно вышлет-ли ему Редакция 100 руб.,—так—как в Редакции, полагаю, очень на меня теперь раздражены за то что я так опоздал и задержал выход последней книги Русского Вестника. Кроме того, если Ап. Николаевич и получил 100 р. (может быть и очень поздно) то, если он не увидит Пашу и не знает где он находится,—то как он Вам доставит 50 р.? Все эти мысли очень меня теперь беспокоят, потому что я ответа от Апол. Николаевича до сих пор еще не имею. Сверх того сам, по совести, чувствую что, кажется, очень надоел ему моими просьбами.

На просьбу Миши Анна Григорьевна тотчас-же написала Марье Григорьевне Сватковской обо всем об чем он просил. Желаю ему

всяких успехов и Кати. Может быть и увидимся в этом году и опять начнем с'изнова. В настоящую минуту я не совсем здоров. Теперь кончил мою годовичную работу и по неволе должен что нибудь предпринять новое и на что нибудь решиться; работа же отвлекала меня всего, к тому—же есть расчеты, а их решит время. Я не про Петербургские долги мои говорю. Находясь так далеко от России, чувствую что мне очень трудно, и даже не выгодно вести мои дела, даже хоть как-нибудь. В Петербурге бывали дела гораздо потруднее и оборачивались иногда очень счастливо. Еслиб я остался в Петербурге, то давно бы расплатился с кредиторами. И втрое больше отдал в такой срок (в 2 года) когда жил в России. А теперь вышло то, что еще увеличились долги и кредиторы мои своим нетерпением сделали то, что ни себе, ни другим, сами не получили и меня расстроили, да так что совсем почти руки отняли. Еслиб все эти господа дали мне хоть полтора года сроку, для уплаты всего с процентами и переписали-бы так свои векселя или выдали-бы мне какую-нибудь засвидетельствованную доверенность, то я-бы тотчас-же воротился в Петербург и через год они-бы уже более половины всего получили наверно, а через полтора наверно все. Я знаю как это сделать, знал и прежде. В меня можно—бы было верить: Я много десятков тысяч рублей получил, с 59 года. Одни вторья издания сколько принесли! Но нет ничего не разумнее нетерпеливого кредитора! В зиму—65—67-го года я заплатил (т.-е. уничтожил векселей) более чем на 8000 тысяч руб. Первый крик от всех остальных кредиторов: зачем-же не нам, а Працу, Вайденштраху, Базунову и Стелловскому ²⁴) и проч? Всем—бы вместе—Да если нельзя было разделить? Если буквально не в моей власти состояло? Но они этого не хотели слышать.—А теперь я даже и войти в соглашение с кредиторами не могу. Как это сделать заочно? От этого все терпят, начиная с меня первого; потому что я, в моих интересах, конечно терплю значительнее чем они.

Паша намекает еще на пропажу какого-то его письма ко мне. Что это у него непрерывно пропадают ко мне письма, и главное, у него одного? Я желаю ему всего хорошего. Рад что хоть капелькой могу помочь (если он получил 50 руб.) и желал-бы, чтоб ему удалась служба на новом месте.

Вам, любезнейшая и многоуважаемая сестра моя, Эмилия Федоровна,—я ничего не могу обещать покамест, потому что сам еще не имею надлежащих сведений для определения в точности моих обстоятельств. Но надеюсь однакоже, что в довольно скором времени некоторые расчеты мои определятся (не пишу какие, это и лишнее и скучно). Прошу Вас уведомить меня о своем здоровье и о своем положении: лучше если я всегда буду иметь Вас в виду, даже когда и не в состоянии помочь Вам, чем отставать друг от друга; средства-же все-таки могут явиться.

Прошу Вас, Эмилия Федоровна, в каждом письме Вашем обозначать Ваш адрес (несмотря на то, что Вы прежде его написали). В Пашиной приписке есть один адрес, но я не могу понять: Ваш-ли это адрес или только его? Мой адрес, покамест

Italie, Florence, a Mr Theodore Dostoiewsky (poste restante).

До свидания многоуважаемая Эмилия Федоровна; горячо желаю Вам здоровья и лучшего; крепко цалую Мишу. Скажите Кате, что я ее очень люблю. Передайте, пожалуйста, это и Паше, если его увидите. Желал бы иметь хоть какое-нибудь известие об Феде. Анна Григорьевна Вам от души кланяется.

Остаюсь искренно Вас любящий и душевно преданный Вам брат Ваш

Федор Достоевский.

[на полях:]

Пишу к Вам по адресу из Пашиной приписки, т.-е. в дом Корбат. Полагаю что это Ваш адрес.

Февраль 26/14 69. Флоренция.

Милостивая Государыня

Многоуважаемая сестрица Эмилия Федоровна,

Дней восемь назад получил я Ваше письмо (от 21 января) и так как в это-же время Вы должны были получить и мое письмо, посланное 22-го или 23 Января, то я и замедлил отвечать Вам, так-как в том, посланном уже письме, все о чем Вы спрашиваете—написано. Но в Вашем письме есть и еще вопрос о том, не могу-ли я как-нибудь устроить так, чтоб вместо неопределенных присылок, устроить все это определенно и помесечно. Это конечно было-бы всего лучше и я об этом уже думал, но как это сделать? Я сам всю мою жизнь не имел ничего определенного, хотя мне и случалось получать хорошие деньги. Таким образом и теперь трудно это устроить. Желание мое быть Вам полезным производит иногда то, что я сначала обещаю, а потом бываю не в состоянии исполнить. Так не следует обещать. Вот почему я не обещаю ничего и теперь положительно, но не хочу скрыть от Вас, что имею некоторую надежду устроить так, чтоб быть Вам полезным помесечно и определенно, как Вы пишете. Но ведь это только надежда; как-то еще она устроится? Во всяком случае, я не думаю Вас долго оставлять в неведении о том как устроилось и постараюсь поскорее написать Вам: да или нет. Если да, т.-е. если все устроится, то небольшое ежемесячное вспоможение постараюсь устроить и Паше, вместе с Вашим. Но еще раз прошу Вас не принимайте теперь за положительное обещание.

Сорок рублей, которые Вы получили от Майкова, и шестьдесят рублей, которые получил Паша, пришли от Каткова, у которого я спросил 100 руб. в то время, когда не имел ни малейшего права просить у него, так как не кончил работу и задержал выход книги

Но он был так добр, что исполнил мою просьбу и послал 100 руб. на имя Аполлона Николаевича, как я и просил о том. За то я сам уже не мог просить для себя, так что в настоящую минуту не получил еще ничего, живу в кредит и очень нуждаюсь. Кроме всего этого и будущность хлопотлива. Жена моя беременна вот уже третий месяц; в Сентябре мце, по расчету, придется ей родить, а я не знаю положительно ни о средствах моих к тому времени, ни о том где я буду. Самое лучшее было-бы быть в России; но Вы сами знаете могли ли я в настоящую минуту воротиться? Что-же касается до того, что я пробуду здесь два года, как говорил Ваня Сниткин,²⁵⁾ то может быть Бог и избавит и дело устроится несколько скорее.

Мне очень тяжело было читать то, что Вы пишете об Вашем положении. Жаль мне Вас всех искренно. Об Мише жена писала по моей просьбе Марье Григорьевне уже давно; сходил-бы он к ней, если еще не ходил.

Получил я письмо из Москвы от Сонечки Ивановой; она пишет, что Федя был у них на Рождестве и показался ей очень апатичным.— Дай Бог Кате здоровья и всевозможных успехов за то, что она Вас радует.—Я очень рад что Паша живет вместе с Вами. Очень-бы желал получить от него хоть несколько строк. Но всего больше желаю, чтоб он укрепился на своем служебном месте и старался. Уж такого начальника как Порецкий и вообразить себе нельзя другого.

До свидания Эмилия Федоровна. Главное будьте здоровы, чего желаю и детям Вашим. Передайте Паше, что я прошу его мне написать. Адресс мой все тот-же, т.-е. Italie, Florence, poste restante a Mr Théodore Dostoiewsky.

Анна Григорьевна благодарит Вас за память и кланяется Вам. Ваш искренно любящий и уважающий Вас брат

Федор [Dostoiews] *) Достоевский

P. S. Милая Эмилия Федоровна, простите за помарку в подписи; по рассеянности подписался по французски. Третьяго дня со мной был припадок и я до сих пор сам не свой. Не считите за неуважение.

Ф. Д.

ПРИМЕЧАНИЯ.

к письмам Ф. М. Достоевского

1. Старший сын М. М. и Э. Ф. Достоевских.

2. Вера Михайловна Иванова, сестра Федора Михайловича. Александр Павлович Иванов—ее муж, Софья и Мария—дочери. Далее Ф. М. Достоевский упоминает об этой семье под названием „Московских“.

3. А. Разин сотрудничал в журналах бр. Достоевских, где вел „Политическое Обозрение“. Он постоянно брал вперед гонорары за статьи и вероятно остался должен М. М. Достоевскому после закрытия журнала.

*) Зачеркнуто В. Н.

4. Паша—Павел Александрович Исаев, пасынок Ф. Достоевского.
 5. И. М. Алонкин—владелец дома, в кот. жил до отъезда за границу Ф. М. Достоевский и где продолжала жить семья М. М. Достоевского.
 6. Миша—младший сын М. М. Достоевского, Николай Михайлович—младший брат Ф. М. Достоевского.
 7. Александр Петрович и Ольга Алексеевна Кашины так же как и дочь их Софья Александровна принадлежали к числу близких знакомых Ф. М. Достоевского. Он пригласил их на свою свадьбу. См. Сб. „Достоевский“ под ред. Долина 11 стр. 309, 310.
 8. Александр Петрович Милюков, педагог и писатель, Он был знаком с Достоевским еще в 40-х годах и встречался с ним в кружке Петрашевского. Позднее сотрудничал в журналах бр. Достоевских.
 9. Поэт А. Н. Майков.
 10. Михаил и Екатерина—дети М. М. и Э. Ф. Достоевских.
 11. Анна Николаевна Сниткина—мать Анны Григорьевны Достоевской.
 12. А. Н. Майков.
 13. Роман, кот. Достоевский писал в Женеве—„Идиот“.
 14. Александра Михайловна Голеновская, младшая сестра Ф. М. Достоевского
 15. П. М. Ольхин—учитель стенографии, у которого обучалась Анна Григорьевна.
 16. Достоевский сотрудничал в журнале „Русский Вестник“, издававшемся М. Н. Катковым.
 17. Дочери А. П. Милюкова, на отца которых Достоевский негодовал за „безнравственность“ поведения.
 18. Эмилия Федоровна действительно впоследствии получала вспоможения от Литературного Фонда, как сообщила нам Е. М. Достоевская. О том же говорят документы Лит. Ф. хранящиеся в Пушкинском Доме.
 19. В этом ценном свидетельстве может быть нужно видеть первый замысел „Дневника Писателя“.
 20. Роман „Идиот“.
 21. Александр Павлович Иванов, муж Веры Михайловны, ур. Достоевской.
 22. Дочь Ф. М. Достоевского умерла в мае 1868 г.
 23. М. Г. Сватковская урожд. Сниткина, сестра А. Г. Достоевской.
 24. Э. Прац—владелец типографии, Базунов—книжный торговец, Стелловский—издатель сочинений Достоевского.
 25. Иван Григорьевич Сниткин, брат А. Г. Достоевской.
 26. А. У. Порецкий—старый друг Достоевских, официально значившийся редактором „Эпохи“ после смерти М. М. Достоевского. Он служил в Лесном департаменте.
-

II. Из архива Владиславлева.

Печатаемые ниже девять писем М. М. Достоевского (1851—1862 г.) и два письма Ф. М. Достоевского (1872 г.) обращены к Михаилу Ивановичу Владиславлеву. М. И. Владиславлев — студент Петербургской духовной Академии в начале 60-х годов, впоследствии — профессор философии, ректор Петербургского университета и автор многих ученых трудов по философии и близким к ней дисциплинам.

Письма М. М. Достоевского касаются сотрудничества М. И. Владиславлева в журнале „Время“. Будучи еще студентом, М. И. Владиславлев передал незнакомому лично редактору критическую статью для помещения в журнале. М. М. Достоевский высоко оценил работу и хотя вследствие цензурного запрещения статья не была напечатана, М. И. Владиславлев был приглашен сотрудничать в журнале в качестве критика-рецензента. Он поместил в журналах „Время“ и „Эпоха“ ряд критических статей¹⁾, которые, как мы видим по публикуемым письмам, очень нравились и М. М. и Ф. М. Достоевским. Редакции были близки взгляды на „самобытность“ русского народа, отзвуки „почвенничества“, обнаруживаемые молодым критиком в его статьях. Так, в статье об „Английских Университетах“ М. И. Владиславлев находил нужным и уколоть англomанию „Русского Вестника“, и указать на несовременность, консерватизм высшего образования в Англии, и подчеркнуть полную непригодность английских учебных заведений для русской почвы. В статье о Сперанском Владиславлев развивал мысль о том, что причина неплототворности реформ Сперанского заключалась в его полном незнании основ русской исторической жизни и в применении чуждых, извне принесенных, форм.

После смерти М. М. Достоевского М. И. Владиславлев женился в 1865 году на его старшей дочери, Марии Михайловне. Как к близкому родственнику, мужу племянницы, обращены к М. И. Владиславлеву два позднейших письма Ф. М. Достоевского.

¹⁾ Имя Владиславлева в редакционной тетради жур. „Время“, и „Эпоха“ (записи гонораров) встречается 24 раза,

По свидетельству Анны Григорьевны, Достоевский, вернувшись в Россию в 1871 году, охотно встречался с теми лицами из ученого мира, которые бывали у Владиславлева *). О том же свидетельствуют новые письма.

В. Нечаева.

Оригиналы печатаемых писем пожертвованы сыном М. И. Владиславлева, В. М. Владиславлевым, Г. А. Х. Н., за что Правление Академии выражает ему искреннюю признательность. В. М. Владиславлевым же письма приготовлены к печати и снабжены некоторыми примечаниями биографического характера. Окончательная обработка этих материалов принадлежит В. С. Нечаевой.

Редакция.

Письма М. М. Достоевского.

1.

[1861 г.]¹⁾.

Милостивый Государь,

Мне необходимо поговорить с Вами о вашей критической статье (книга О. Феодора)²⁾, которую я прочел со вниманием и большим удовольствием. Я был бы очень вам благодарен, если бы вы пожаловали ко мне. Я почти всегда дома от 1 часа до 2-х утром и около 6 часов после обеда.

Примите уверение в совершенном моем почитании и преданности.

М. Достоевский.

P. S. Не зная вашего адреса, пишу на удачу.

8 мая.

2.

[1861 г.]

Милостивый государь,
Господин Владиславлев,

Посылаю Вам цензорскую корректуру Вашей статьи. Потрудитесь отдать ее духовному цензору и попросите прочесть поскорее.

Нельзя-ли к завтрашнему дню. Кроме того, сделайте одолжение, похлопочите, чтоб спасены были несколько строк (всего-то три) из чудесного романа Полонского³⁾. Наш цензор не решается пропустить этих строк без разрешения духовной цензуры **).

Очень обяжете совершенно уважающего вас

М. Достоевского.

P. S. Нынче от 6 часов и до 7¹/₂ я буду дома. Очень хотелось бы вас видеть; не зайдете ли ко мне? Пожалуйста. Отвечайте с посланным.

*) „Воспоминания А. Г. Достоевской“. Госиздат. 1926, стр. 155.

***) Так в подлиннике В. Н.

3.

[1861 г.]

Милостивый Государь
Господин Владиславлев,

Спешу отвечать на письмо Ваше. По после-обедам я не бываю дома; заставить меня можно только по утрам до 12 часов. А между тем мне с Вами крайне нужно видеться. Нельзя ли Вам приехать ко мне после обеда на дачу и приехать пораньше, часам к 6, чтоб погулять вместе и поговорить о разных предметах. Живу я в Колтовской, на даче графа Адлерберга, что на набережной Малой Невы — в саду. Соберитесь-ка и приезжайте на днях.

Истинно преданный Вам
М. Достоевский.

P. S. Потрудитесь написать мне ваше имя и отчество.

Что касается до типографских издержек, вследствие запрещения статьи Вашей, то я беру их на свой счет, и вам об них беспокоиться нечего.

4.

30 октября 1861 г.

Я очень жалею, добрейший Михаил Иванович, что своим письмом, может быть сбил Вас только с толку. Если начали, то пишите ужь об Университетах⁴⁾; авось пройдет. В 237 № от 26 октября Петерб. Ведомостей Костомаров написал статейку об Университете: прошла. Хорошенько нападите на все учреждения английских Унив., которые нам, т.-е. русским, негодны. Пожалуйста, пишите. Статья эта будет очень — кстати и современна.

Если будете писать о Сперанском⁵⁾, то пишите, не стесняясь. Панегириков не нужно. Все дело тут в самом Сперанском. Но нечего вас учить: вы сами это ужь знаете.

Вот все, что мне хотелось написать вам, Михаил Иванович.

Так жаль право, что вас нет с нами. Хлопочите скорее о переводе⁶⁾.

Жму вам крепко руку
М. Достоевский.

P. S. Пожалуста уведомьте поскорее, что вы пишете, чтоб мне знать наперед из чего будет состоять критика.

5.

13 ноября 1861 СПб.

В субботу никак не мог отправить к Вам деньги, добрейший и милейший Михаил Иванович. Не было у самого. Принужден был отложить до сегодня. Нынче посылаю 25 р. сер.

Статью Вашу печатаю целиком⁷⁾). Теперь все позволено писать об Универ.

Я не читал еще, но говорят, что в „Современ.“ статья о Сперанск. превосходная⁸⁾). Как бы хорошо было, еслиб и вы написали превосходную. Главное, старайтесь о слоге.

Я говорил о вас Полонскому⁹⁾). Он обещал. Нынче я у него буду и еще поговорю.

Прощайте дорогой друг, жму вам крепко руку, весь ваш

М. Достоевский.

P. S. Брат вам кланяется.

6.

1 декабря 1861 г. СПб.

Посылаю Вам, добрейший Михайло Иванович, 50 р. сер. Остальные деньги вышлю в непродолжительном времени.

Что Вы замолкли? Отчего не пишете ко мне? Здоровы ли Вы? Мы с братом ужь беспокоимся об Вас. Напишите поскорее, что с Вами?

Полонский обещал хлопотать да что-то все у него не клеится. От Вас же долго писем нет, и мы не знаем даже в Новгороде ли вы еще?

Вчера вышла наша книга. Статья Ваша прошла благополучно. Два три места в ней пропали. Жаль, но что делать?

Жду с нетерпением статьи Вашей о Сперанском. Высылайте скорее. Этот месяц мы хотим выйдти раньше. А главное, отвечайте.

Спешу, тороплюсь, хлопочу, и потому пишу только два слова.

Прощайте, жму Вам крепко руку.

Весь ваш М. Достоевский.

7.

20 декабря 1861. СПб.

Посылаю Вам, добрейший друг Михаил Иванович, некоторые книги: Описание войны 1812 г. и Записки Талейрана¹⁰⁾). На январь нам нужна очень статья — но хорошая и бойкая по самому предмету. Не выдумаете ли чего-нибудь.

Теперь мне некогда и потому пишу только несколько слов. Беспрестанно мешают, потому что утро.

22 декабря.

И все-таки я недописал Вам в тот день: так помешали, что я должен был оставить письмо на два дня, как видите.

Мы оба с братом ждем вас с нетерпением. Статья Ваша об А. Университ. очень хороша и мы оба очень рады тому. Выработайте только слог.

Как-то не хочется писать, когда надеешься скоро увидиться. И потому прощайте, добрый друг, жму Вам искренно руку.

Весь ваш М. Достоевский.

Подумайте о январьской книге и напишите нам хорошую статью.

8.

[1861 г.]

Можете себе представить, какой я стал забывчивый дорогой и любезнейший Михаил Иванович. О слоне-то и ни слова; слона-то и забыл. А ведь с тем тогда и сел писать Вам, чтоб писать о нем и поздравить Вас с великолепною статьею. Сейчас только получил письмо Ваше и страшно удивился, узнав из него, что ничего не упомянул о вашем Сперанском. Немедленно же поправляю ошибку, за которую простите меня и еще раз простите. С этими корректурами все позабудешь.

Статья о Сперанском — превосходна ¹¹⁾. И мне и брату она чрезвычайно понравилась и мы печатаем ее в этой декабрьской книге. Слог был только местами шероховат, но я сгладил. Сердечно благодарю вас за статью эту.

Из вас выйдет славный критик-публицист, только не пренебрегайте слогом. Мы Вами очень дорожим, а еще более любим Вас.

Книги я точно запоздал послать к Вам, тоже за хлопотами и за делами. Только ужь будьте другом, спасайте нас. Мне в январе нужна непременно критика и критика бойкая, задирательная*), дельная. Пишите о чем хотите, только напишите голубчик хорошо. Я буду ждать статьи Вашей до 7-го ¹²⁾.

О Расколе есть у меня статья и хоть я уверен, что Вы напишете лучше, но и эту жаль отдать назад, тем-более, что я всегда нуждаюсь в критиках ¹³⁾.

Пожалуста, Михаил Иванович, прошу вас не оставьте меня без критики на будущую книгу. Я на вас надеюсь и надеюсь крепко.

А теперь прощайте, время уходит.

Весь ваш М. Достоевский.

25 декабря.

9.

Добрейший и любезнейший Михаил Иванович. Только два слова: я болен и теперь глухая ночь — две очень уважительные причины, чтобы быть кратким.

Во-первых, посылаю деньги 50 р.

Во-вторых, посылаю сочинения К. Аксакова, которые только что вышли. Это получше Талейр. и Богдановичей ¹⁴⁾.

*) Так в подлиннике В. Н.

В-третьих — приезжайте на несколько дней. Так без вас скверно, что и вообразить не можете.

А в-четвертых, прощайте. Жму вам крепко и дружески руки.

Ваш М. Достоевский.

17 января, 1862 г.

P. S. Вот бы разобрать газету „День“¹⁵⁾. Хорошо было. Напишите — пришло.

Письма Ф. М. Достоевского.

1.

13 апреля/72.

Добрейший и Многоуважаемый Михаил Иванович, может быть Вы уже знаете что сестру Александру Михайловну постигло ужасное горе: умер Николай Иванович¹⁾ (сегодня в 6 часов пополудни). Это было так внезапно, ударом; болел всего сутки. Можете представить в каком она горе. Брат Коля²⁾ хотел сходить к Вам, уведомить Вас и милую Марью Михайловну³⁾ и от имени сестры просить Вас сделать честь ей и семейству ее пожаловать на вынос тела и отпевание (в их приходе). Но на всякий случай она просила меня уведомить Вас нарочно [зачеркнуто: от] письмом с тою же просьбою от ее имени. Завтра (т.-е. в пятницу) панихиды будут в час по полудни и вечером в 8 часов. Вынос же будет в субботу в 10 часов утра. Погребение на Смоленском кладбище.

Я все время [зачеркнуто: хот] собирался написать Вам о Старой Русе⁴⁾, многоуважаемый Михаил Иванович. Не получали ли Вы уже какогонибудь ответа? Мы думаем, если все удастся, переехать даже в самом начале Мая, еще до сезона, который открывается в С. Русе 20-го Мая. Ужасно надо переменить воздух, хоть на три месяца, особенно для детей. Полагаюсь на Ваше обязательное содействие. Но увидимся, вероятно [зачеркнуто: на] в субботу и переговорим.

Цалую Машу,⁵⁾ а Вам от души жму руку.

Вам совершенно преданный

Федор Достоевский.

P. S. Простите за помарки; совсем разучился писать на чисто. Не считите за леность или невнимание; ужасно устал сегодня.

2.

6 ноября/72.

Многоуважаемый Михаил Иванович,

К величайшему сожалению моему я никак не предвижу возможности так устроиться, чтобы воспользоваться лестным приглашением

Вашим на 8-е ноября⁵⁾). Серьезная, уже недели две продолжающаяся болезнь Анны Григорьевны задерживает меня, покамест, почти постоянно дома, главное около детей. Своими занятиями, до крайности подошедшими к сроку, я уже не отговариваюсь⁶⁾). Во всяком случае позвольте заочно поздравить Вас от души со днем Вашего ангела и искренно пожелать Вам очень много раз встретить его еще, весело и благополучно, в кругу Вашего семейства. Чрезвычайно сожалею тоже, что лишаю себя таким образом возможности и встретиться у Вас с Вашими добрыми гостями и преимущественно с Ламанским⁷⁾ и Григорьевым⁸⁾).

Ваш Ф. Достоевский.

ПРИМЕЧАНИЯ

к письмам Ф. М. Достоевского.

1) Первые три письма не помечены годом в подлиннике. Так как по содержанию они очевидно предшествуют письму четвертому, датированному 30 октября 1861 г., а журнал „Время“ только с этого года начал свое существование, следовательно и первые письма относятся к этому же 1861 году.

2) Нам известна одна книга Феодора—„О картине Иванова „Явление Христа миру“, СПб, 1859. О ней ли идет здесь речь сказать трудно, так как разбор Владиславлева был запрещен духовной цензурой и в печати не появился.

3) Роман в стихах Полонского „Свежее преданье“, Главы I, II, III были напечатаны в июньской книге „Времени“ за 1861 г.

4) Здесь имеется в виду разбор книги В. Игнатовича „История английских университетов“ СПб 1861 г.

5) М. М. Достоевский говорит о разборе сочин. барона М. Корфа „Жизнь графа Сперанского“ изд. в 1861 г. в СПб императ. публичной библиотекой.

6) Это и следующие письма адресованы Владиславлеву в Новгород, куда он был временно выслан вследствие столкновения, происшедшего в Духовной академии между студентами и преподавателем греческой словесности.

7) Статья Владиславлева—разбор книги Игнатовича об английских университетах—появилась в XI книге „Времени“ за 1861 г. в отделе „Критическое обозрение“ стр. 1—49 без подписи.

8) В журнале „Современник“ за 1861 г., кн. X, в отделе „Современное обозрение“, стр. 211—250 находится большой и обстоятельный разбор книги Корфа о Сперанском. Статья озаглавлена „Русский реформатор“; автор не указан.

9) Речь идет о возвращении Владиславлева из Новгорода в Петербург.

10) Книги, о которых здесь говорится, вероятно, следующие: 1) Генерал М. Богданович—„История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам“ СПб. В 1860 г. вышли 1—3 томы; в 1863 г. вышла его же — „История войны 1813 г.“

2) „Записки князя Талейрана“, собр. и издан. графиней О... дю К... перевод с французского. Разбор этой книги появился во II книге „Времени“ за 1862 г. Разбор без подписи и вероятно, принадлежит Владиславлеву.

11) Разбор книги Корфа, сделанный Владиславлевым, был напечатан в декабрьской книге „Времени“ за 1861 г. в отделе „Критическое Обозрение“ стр. 119—174, без подписи. Слово превосходна подчеркнуто М. М. Достоевским в подлиннике четыре раза.

12) В I книге „Времени“ за 1862 год нет статьи, которую можно было бы приписать М. Владиславлеву.

13) В I книге „Времени“ за 1862 в „Критическом обозрении“ помещена статья Н. Аристова—„По поводу новых изданий о расколе“ (разбор трех книг) стр. 76—93.

14) «Сочинения К. Аксакова» т. I. Москва 1861 г. Разбор этой книги, вероятно, Владиславлева, помещен в книге Шжурн. „Время“ за 1862. „Критич. обзор.“, стр. 79—88 без подписи. О Талейране и Богдановиче см. примечание № 10.

15) Ежедневная газета „День“, изд. И. Аксаковым. В книге II за 1862 год журнала „Время“ в отделе „Критич. обозрения“ помещены две статьи без подписи касающиеся „Дня“:—1. „Два лагеря теоретиков“ (по поводу „Дня“ и кой чего другого) 2. „Девятнадцатый номер“ „Дня“, Стр. 143—168.

ПРИМЕЧАНИЯ

к письмам Ф. М. Достоевского

1) Николай Иванович Голеновский, муж младшей сестры Ф. М. Достоевского, Александры Михайловны.

2) Николай Михайлович Достоевский, младший брат Федора Михайловича.

3) Мария Михайловна (Маша), дочь М. М. Достоевского, жена М. И. Владиславлева.

4) Как известно, с 1872 г. семья Ф. М. Достоевского постоянно проводит часть года в Старой Руссе. По свидетельству Анны Григорьевны „выбор этого курорта... был сделан по совету проф. М. И. Владиславлева, мужа родной племянницы Федора Михайловича, Марии Михайловны. И муж и жена уверяли, что в Руссе жизнь тихая и дешевая и что их дети за прошлое лето, благодаря соленым ваннам, очень поправились“... (Воспоминания А. Г. Достоевской. Госиздат. 1925 г., стр. 156).

5) По свидетельству В. М. Владиславлева в этот день Ф. М. Достоевский ежегодно бывал у его отца.

6) Ф. М. Достоевский работал над романом „Бесы“, который в это время печатался в „Русском Вестнике“.

7) Владимир Васильевич Ламанский, известный ученый славист, профессор Петербургского университета, автор многих ценных ученых трудов. Сторонник славянофильской идеи объединения славян при помощи русского языка, как общего литературного языка всего славянства.

8) Василий Васильевич Григорьев, известный ориенталист, профессор Петербургского университета. Главные работы касаются Средней Азии. С ним, по свидетельству Анны Григорьевны „Федор Михайлович с особенным удовольствием беседовал“. „Воспоминания“, стр. 155).

III. Из архива Ивановых.

Письма, к которым относятся помещаемые ниже отрывки, неизвестны в печати и, вероятно, вовсе не сохранились. Они были адресованы племянницам Достоевского, Софье Александровне и Нине Александровне Ивановым.

Первое письмо к С. А. Ивановой, в замужестве Хмыровой (род. в 1847 г., умерла в 1907 г.) написано Ф. М. Достоевским из Дрездена весной 1871 года. По содержанию оно близко к двум другим письмам Достоевского к С. А. Ивановой¹⁾ от $\frac{29 \text{ марта}}{10 \text{ апреля}}$ и от $\frac{12 \text{ апреля}}{24 \text{ апреля}}$ 1871 года, написанным также из Дрездена. В них тоже идет речь о скором возвращении в Россию и о трудности предстоящего пути, вследствие безденежья и семейных обстоятельств. Тетка, о смерти которой пишет Достоевский, — сестра его матери, Александра Федоровна Куманина, богатая женщина, не раз помогавшая деньгами и Федору Михайловичу и его братьям и сестрам. А. Ф. Куманина умерла 29 марта 1871 года дряхлой и почти лишившейся рассудка старухой. Висковатова, упоминающаяся в письме, вероятно, кто-либо из семьи П. А. Висковатова, (1842 — 1905 г.г.) историка литературы, жившего в то время в Германии. О знакомстве и встрече с ним Ф. М. Достоевского в Дрездене см. „Воспоминания Анны Гр. Д-ой“ стр. 285 — 290 и „Письма“ Ф. М. Достоевского изд. 1883 г., стр. 171.

Второе письмо адресовано Нине Александровне Ивановой (род. в 1857 г., ум. в 1911 году) и относится к лету 1880 года. Достоевский вернулся в июне этого года из Москвы в Старую-Руссу после открытия памятника Пушкину. В эту поездку он впервые останавливается в Москве в Лоскутной гостиннице, которая упоминается в печатаемом письме. Елена Павловна, имя которой называет в письме Достоевский, — тетка Н. А. Ивановой по отцу. Во время пребывания в Москве весной 1880 года Ф. М. Достоевский очень часто заезжал к ней и там встречал племянниц Ивановых, в том числе, Нину Александровну, о чем см. „Письма Д-го к жене“ изд. 1926 г. стр. 280—282.

¹⁾ Хранятся в Р. Историч. Музее.

В письме к жене от 27—28-го мая Достоевский так характеризует Н. А. Иванову: „Ниночка дика и неразговорчива, ничего из нее не вытащишь, точно конфузится“. Письмо Н. А. Ивановой к Достоевскому нам неизвестно, так же как неизвестен повод для обиды со стороны племянницы и для тех объяснений Достоевского которые мы находим в отрывке письма.

Печатаемые отрывки писем сохранились в подлинниках. Приношу благодарность И. П. Перлову и К. С. Морозову (г. Зарайск), доставившим мне возможность ознакомиться с этими документами и опубликовать их.

В. Нечаева.

1.

[весна 1871 г.]

если я наврал в моем предположении, то собственно из участия к Вам.

Ах, Сонечка, такое предстоит мне хлопотливое время, что и не понимаю как одолеть его.

Писал в Р. Вестник, хорошо если вышлют деньги пораньше, тогда бы мы к 1-му Июня выехали в Петербург. Вообразите: Ане в начале августа или в конце Июля приходится родить, а она уже и теперь ужасно тяжело носит. Каково же мы поедем, конечно, без прислуги, и имея Любу

[на обратной стороне листа]

Какой я видел сон недели за три до кончины тетки: я вхожу будто к ним в залу; все сидят и тут будто моя мать-покойница. Много гостей и большой пир. Я говорю с теткой и вдруг вижу, что в больших стальных часах маятник вдруг остановился. Я и говорю: это, верно, зацепилось за что-нибудь, не может быть чтоб так вдруг, встал, пошел к часам и толкнул опять маятник пальцем; он чикнул раз-два-три и вдруг опять остановился. Тут я проснулся и записал сон.

Вечером у одной знакомой (Висковатовой) рассказываю. Она мне и говорит: напишите, справьтесь, не случилось ли чего-нибудь? И вот и вправду тетка умерла, маятник остановился.

До свидания! дорогой мой друг

Ваш Ф. Достоевский.

[сбоку приписка]

NB. Покойница тетка, имела огромное значение в нашей жизни, с детства до 16 лет, многому она способствовала в нашем развитии. Вы знали ее очень поздно.

2.

[лето 1880 г.]

и как можно скорее. От слов моих я не отступаюсь, но где же в них обидчивая жажда почтительности? И зачем, повторяю это опять мне Ваша почтительность? Мне [зачеркнуто: бы] хотелось от Вас лишь сердечности, веры что я не враг Вам, расспрашиваю Вас не праздно и не насмешливо. Не верить в доброе расположение людей (в которых Вы сами же верили) в Ваши лета очень опасно. Ужасная же мнительность и раздражительность ведет лишь к сомнению и самолюбию,— а это уж всего опаснее. Не примите за совет, не обидьтесь,— хотя почему же мне не написать Вам и совета? Ведь считали же Вы меня к Вам искренно расположенным прежде, таким я и останусь к Вам как бы Вы ни сердились на меня. Слова же мои о Вас у Елены Павловны Вам передали ошибочно. Это положительно говорю Да и зачем бы мне лгать.

Передайте мой сердечный поклон мамаше и напомните обо мне всем Вашим, а я остаюсь совершенно Вам преданным как и прежде

Ваш дядя
Федор Достоевский.

Старая Русса, Новгородской губернии

Федору Михайловичу Достоевскому

не знаю дойдет ли к Вам письмо.

[на обратной стороне листа:]

Необходимый Post-Scriptum.

Милая Ниночка, уже запечатав к Вам письмо, достал и перечел Ваше письмецо ко мне в Лоскутную, оно мне так понравилось, оно так искренно, так задушевно и так остроумно (наприм., о причине, по которой Вы едете в деревню), что я распечатал конверт и приписываю Вам эти строки с тем, чтоб отказаться от целой половины того, что настроил Вам на первых трех страницах. Вы доброе и милое существо, очень умненькое (но будьте еще умнее). Итак, мы друзья по-прежнему? Я очень этому рад. Напишите мне в Старую Руссу непременно: мне хочется знать дошло-ли письмо? Передали же Вам мой отзыв неверно, это повторяю. Всего любопытнее для меня, почему 1-е чтение Вашего письма (еще в Москве) не произвело на меня такого хорошего впечатления как сейчас, когда я второй раз перечел. Целую Вас и крепко жму Вам руку. Литературы не бросайте, и— поменьше, поменьше самолюбия. Но довольно.

Ваш весь Ф. Д.